

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	8
Благодарности	10
ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ.	11
I. «МИФ КРОВИ» И ЕГО АВТОР	15
1. «Dieser Balte»	15
1.1. Из «культуртрегеров» — в «мигранты»	15
1.2. «Скиф и тевтонец — братья навек»	16
1.3. «Партийный философ»	18
1.4. Наместник на Востоке	24
1.5. Нацистский преступник №9.	28
1.6. Зачем о нём помнить?	31
I.2. Критика Ф. Лаку-Лабарта и Ж.-Л. Нанси	32
I.3. Общий обзор «Мифа XX века»	35
I.4. Основное понятие автора.	37
I.5. «Избранная раса»	39
I.6. Ценности «избранной расы»	42
I.6.1. Честь и долг	42
I.6.2. Ценности патриархата	45
I.6.3. Сохранение чистой линии	46
I.6.4. Солярный миф	47
I.7. Фундаментальный аристократизм	49
I.7.1. Аристократический характер заявленных ценностей	49
I.7.2. «Сущность нового учения о культуре»	51
I.8. Понимание мифа	53
I.9. Выводы	56
II. УФОЛОГИЯ ИСТОРИИ: АРИИ, ПАССИОНАРИИ, ГИПЕРБОРЕИ...	58
II.1. История, «достойная нас»	58
II.2. Парад «историй»	61
II.3. Л. Н. Гумилёв и споры вокруг его трудов	67
II.4. Евразийство	76

II.5. Циклизм	78
II.6. Концы в воду, или Пенорождённые цивилизации	81
II.6.1. Атлантология	81
II.6.2. Неведомая Северная Земля	86
II.7. Откровение рода Овер де Линден	94
II.7.1. Явление пророчества народу	94
II.7.2. Герман Вирт и страсти вокруг «Хроники»	95
II.7.3. А. Г. Дугин как популяризатор идей Г. Вирта	99
II.7.4. Динамика публикаций	102
II.7.5. Что же такое «Ура Линда»?	106
II.7.6. «Ура Линда» и «Велесова книга»	108
III. «Мифософия», или СОДЕРЖАНИЕ МИФА	111
III.1. Иррационализм	111
III.1.1. Л. Н. Гумилёв и русский космизм	111
III.1.2. О. Шпенглер и его «гётевский метод»	114
III.1.3. А. Дж. Тойнби: христианский эволюционизм	115
III.1.4. Н. С. Трубецкой: мистическая культурология	116
III.1.5. В. Н. Дёмин: снова космизм	116
III.1.6. Г. Вирт: «закон Вральды»	117
III.2. Избранная популяция	118
III.2.1. Равен ли суперэтнос расе?	118
III.2.2. О. Шпенглер и А. Дж. Тойнби	122
III.2.3. В. Н. Дёмин и гипердиффузионизм	123
III.2.4. Н. С. Трубецкой	126
III.2.5. Г. Вирт и его единомышленники	127
III.3. «Генетическая память»	128
III.4. Культурализм	131
III.4.1. «Органически обусловленный центр»	131
III.4.2. Культурализм Шпенглера и Тойнби	134
III.4.3. Монокультурализм В. Н. Дёмина	136
III.4.4. «Национальное тело» кн. Трубецкого	137
III.5. Роль ландшафта	139
III.6. Этнические стереотипы	145
III.7. Психологизм на популяционном уровне	149
III.8. Иллюзорность ценностей и смысл истории	153
III.9. Аристократический характер высших ценностей	155
III.10. Антигуманность, возведённая в принцип	158
III.11. Различие между «героями» и «обывателями»	160
III.12. История как регресс: эволюция или инволюция?	165

III.13. Антидемократизм	169
III.14. Державность	171
III.15. Исторический этноцентризм	175
III.16. Этническая сегрегация	176
III.17. Индальгенция для избранных.	181
III.18. «Благородный» антисемитизм	190
III.19. «Антисистема» и «противораса», или Демонология истории	196
III.20. Самодовлеющий активизм <i>resp.</i> эстетизм	208
IV. МЕТОДОЛОГИЯ МИФА	213
IV.1. Редактирование фактов	213
IV.1.1. Криптоистория или «фольк-хистори»?	213
IV.1.2. А. Розенберг	217
IV.1.3. Л. Н. Гумилёв	219
IV.1.4. Г. Вирт	227
IV.1.5. В. Н. Дёмин	228
IV.1.6. О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби, Н. С. Трубецкой	229
IV.2. Редактирование смыслов	230
IV.3. Антипрофессионализм	236
IV.4. Оценка научного сообщества и собственного значения	243
IV.5. «Художественные» определения	254
IV.6. Гиполептический метод.	258
IV.7. Филологические кунштюки	264
IV.8. Системные закономерности и «синергетика этноса».	274
IV.8.1. Энергетизм.	275
IV.8.2. Анализ этнической истории в терминах энтропии	276
IV.8.3. Особое внимание к ритмам системы	277
IV.8.4. Особое внимание к структурной сложности системы	277
IV.8.5. Чары математизации	280
IV.8.6. Аналогии между этническими и физическими процессами	284
IV.8.7. Экологический подход	284
IV.8.8. «Системные закономерности» у Шпенглера	286
IV.8.9. «Поля» и «векторы» Тойнби	289
IV.9. Проблема источников и ссылок	293
IV.9.1. Почему «Ура Линда»? Почему не «Сильмариллион»?	298
IV.10. Наука без экспериментов?	300
V. СТЕРЕОТИПЫ МИФА.	306
V.1. Casus Tolkien: исторический миф без запрещённых приёмов	306

V.2. Количественный анализ	314
V.3. Миф как антинаука	327
V.3.1. Виды антинауки	327
V.3.2. Критерии антинауки	333
V.3.3. Мифы школьного образования	337
VI. ЛОГИКА МИФА, или ПОЧЕМУ ТАК ВЫШЛО?	342
VI.1. Способ полагания истины	342
VI.2. Логическая связность Мифа	350
VI.2.1. Вопрос о первооснове мира	350
VI.2.2. Ближайшие следствия иррационализма	351
VI.2.3. Метафизический Враг и определение ценностей	351
VI.2.4. Способ заполнения исторических пустот	354
VI.2.5. А синергетика тут при чём?	356
VI.3. Происхождение и виды расизма: наука против лженауки — или в союзе с ней?	358
VI.4. Мифологическое сознание и провалы его адептов	362
VI.5. Этническая или социальная психология?	364
VI.6. Мифы аристократии — «народу»?	368
VI.7. Нemoшь Мифа	371
VI.7.1. Миф как слепок массового сознания	371
VI.7.2. Консерватизм идеологического Мифа — противоречие в определении	373
VI.7.3. Миф — побочный результат или самоцель?	376
Выводы	378
НЕОБХОДИМЫЙ ПОСТСКРИПТУМ	387
ЛИТЕРАТУРА	388
Сокращения	403
УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН.	404

Забвение ошибок прошлого ведёт к их повторению.

Максима

Мы имели возможность познакомиться со злом во всём его ничтожестве и теперь уже чувствуем себя недостаточно эстетами, чтобы побояться открыто выступить в защиту добра или стыдиться таких тривиальных понятий и представлений, как истина, свобода, справедливость.

*Т. Манн. Философия Ницше в свете нашего опыта
(1947)*

...Моя оппозиция использованию археологии в политических целях толкнула меня к разработке методов археологической аргументации, критериев надёжности, оценке фактов, независимой от субъективных устремлений

*Л. С. Клейн. Из интервью журналу «Archaeological
Dialogues» (Cambridge, 2003)*

ОТ АВТОРА

Данная работа была задумана автором как глава книги, посвящённой значению мифологического сознания для современности и завтрашнего дня. Речь должна была пойти лишь об одном типе мифов, существующих и в наше время, а именно — об исторических мифах, претендующих на роль некоей альтернативы «официальной» науке и превращающихся в основу политических идеологий. Довольно скоро, однако, выяснилось, что эта тема не ограничивается скромным объёмом и требует особо тщательного анализа. Результатом стала книга, которую сегодня автор предлагает вниманию читателя.

Собственно, околонучный шум существует всегда: свобода слова — это, в том числе, и свобода ошибочного слова. Научное знание не может рождаться иначе, чем в столкновении мнений и ожесточённой критике: признаётся лишь то, что эту критику выдерживает. Лишь некоторым дилетантам удалось серьёзно обогатить науку вопреки единодушному мнению специалистов своего времени: таков был, например, Шлиман¹, вклад которого вовеки не должен быть забыт. Гораздо чаще, однако, события развиваются по другому сценарию: рассмотрев очередной «переворот в науке», учёные обнаруживают, что к науке он отношения не имеет, и «выбрасывают его во тьму внешнюю» (Матф.25:30) — перестают отвлекаться на споры с явной глупостью и возвращаются к своим прямым обязанностям. После этого неудачливый кандидат в Шлиمانы какое-то время выступает на чисто публицистической почве, а затем дело кончается забвением.

Однако в XX веке не раз случалось, что конъюнктура (поначалу — деспотическая, но всё чаще — и демократическая) требует именно мифов, которые можно было бы противопоставить научному знанию. В таких случаях чисто научного опровержения доморощенных «теорий» явно недостаточно. Ведь подобные идеи рассчитаны не на признание «официальной» наукой, к которой они как раз резко оппозиционны, а на эффект в массовом сознании. Причём нередко этот эффект достигается: тогда рождается новая политическая идеология, а к мнению серьёзных

¹ К. В. Керам (1963: 62—64) посвятил — и именно по поводу Шлимана — обширный пассаж восхвалению дилетантов, сумевших обогатить те научные сферы, в которых они не были дипломированными профессионалами. В его перечне — такие лица, как Отто фон Герике, Дени Папен, Гальвани, Гельмгольц, Земмеринг, Шампольон и многие другие. Однако Шлимана критиковали (да и сейчас критикуют) вовсе не за то, что он явился в археологию со стороны (в конце концов, никто не рождается сразу специалистом). Сам Шлиман слушал курс археологии в Сорбонне и писал диссертацию в этой области (любезное замечание Л. С. Клейна, за которое автор выражает искреннюю благодарность). Дело совсем в другом: методы, которыми он вёл раскопки, были недопустимы даже для того времени. Достаточно сказать, что гомеровскую Троию VIIа, которую он искал, он не заметил, снёс её остатки (тем самым загубив их для последующих исследователей) и искал свидетельства о царе Приаме в слоях начала II тыс. до н. э. Он явно поверил античным мифографам, что время существования Трои — это правление всего трёх царей: Ила, Лаомедонта и Приама, — а значит, троянские памятники не могут относиться ни к каким другим эпохам. Столь же неудовлетворительны и его интерпретации, в которых первый же найденный в Трое клад он счёл сокровищами Приама, а первую найденную в Микенах гробницу — гробницей Агамемнона. Таким образом, упреки в дилетантизме относятся не к происхождению Шлимана и не к его академическим степеням, а к непрофессиональным методам его работы.

учёных продолжают прислушиваться лишь их же коллеги. Перед нами — грозное социальное явление, само по себе требующее изучения.

Подобное случалось уже не раз. То научное знание — по знаменитому двумерному выражению И. Канта — «приподнимали, чтобы освободить место вере», заставляя науку считаться с религией, то — с мистической философией. В современной атаке против науки ново прежде всего то, что на сей раз её противники претендуют на место в её же рядах. Ниспровергатели Эйнштейна и «официальной истории» — часто обладатели учёных степеней, а филиппики против компьютерной революции пишутся на компьютере и публикуются в Интернете. Это — картина «вертикального вторжения варварства» (фраза В. Ратенау, которую в «*Восстании масс*» часто цитирует Х. Ортега-и-Гассет): новый варвар не вторгся в науку извне, из «Дикого поля», а поднимается из недр самой цивилизации, которая во многом обязана своим существованием той же науке. Больше того, многие научные работники в таких условиях оказываются дезориентированными и начинают творить мифы, искренне веря, что добывают знание.

Крушение советского марксизма — не главная причина этого, поскольку и на Западе происходит то же самое. Тревогу по поводу наступления антинауки у нас и у них забили почти одновременно, и П. К. Фейерабенд со своим методологическим анархизмом выступил намного раньше А. Т. Фоменко. При этом атаки нацелены прежде всего на социальную роль науки. «Методологический анархист», как аттестовал сам себя П. К. Фейерабенд, не имел бы против науки ничего, если бы его собственные фантазии были признаны равноправными с теорией относительности — а то и новой научной парадигмой.

Не будем притворяться, будто мы забыли все уроки исторического материализма. Если явление стало массовым, нет смысла искать следы мирового заговора, влияние единичного «злого гения» или ссылаться на «испорченность нравов»: у такого явления должны быть социальные причины, в силу которых многие люди начинают вести себя сходным образом независимо друг от друга. Кроме того, эти причины должны иметь присущие им механизмы действия: политические идеи и эпидемии гриппа распространяются не по одним и тем же законам.

В этой книге мы ограничимся только одной сферой — историей.

Одним из упрёков, высказанных автору рецензентами во время работы над этой рукописью, была чрезмерная длина цитат, составляющих чуть ли не четверть текста. Признавая справедливость этого упрёка, автор, тем не менее, счёл необходимым оставить цитаты практически в прежнем виде. Во-первых, это даёт читателю возможность ознакомиться с анализируемыми идеями из первых рук, а не в моём пересказе. Во-вторых, конечно, можно было бы заменить многие цитаты простой отсылкой к источникам — но ведь задача этой работы как раз в том и состоит, чтобы объяснить читателю, почему многие (хотя и не все) из разбираемых работ читать *не надо*. И это не говоря уж о том, что некоторые из них вообще труднодоступны. Наконец, в-третьих, одна из редакций «золотого правила нравственности» гласит: «Не делай того, что у других порицаешь». Автор, критикующий других за пренебрежение научными ссылками, сам не вправе поступать так же.

В данной работе принята «кембриджская» система ссылок, уже завоевавшая права гражданства в литературе на русском языке. Она удобна тем, что экономит место без потери точности и освобождает подвалы страниц только для авторских

комментариев, а кроме того, упрощает вёрстку. Ссылка: (Филатов 1984: 112) — означает: работа Г. С. Филатова 1984 г. издания, стр. 112 (полные выходные данные этой работы — в списке литературы). Если ссылка следует сразу за фамилией автора, эта фамилия не дублируется: «По мнению А. Дж. Тойнби (1991: 18)...». Ссылка по форме: (: 20) — читается: «там же, стр. 20».

В некоторых случаях бывает существенно указать дату выхода первого издания цитируемой работы, причём на языке оригинала. Это важно, если нужно учитывать время её появления и очерёдность по отношению к другим трудам того же автора, но при этом первое издание стало труднодоступным. Такая дата указывается в фигурных скобках. Например, (Трубецкой 2007 {1920}) означает: сочинение кн. Н. С. Трубецкого, впервые изданное в 1920 г., но в данной работе цитируемое по изданию 2007 г. Такой способ тоже уже применяется в изданиях на русском языке (см., напр.: Сокал, Брикмон 2002).

Благодарности

Увы, никто не обнимет необъятного, и вряд ли я смог бы назвать всех, кто помог мне завершить этот труд. В первую очередь хотелось бы выразить благодарность издателю — С.Е. Эрлиху, проявившему интерес к этой рукописи с самого начала, не раз обсуждавшего с автором как текст в целом, так и его отдельные моменты и сделавшего всё, чтобы эта книга увидела свет. Столь же искренне я благодарен рецензентам — профессору Л.С. Клейну (попытка ответить на его доброжелательную, но строгую критику увеличили первоначальный текст более чем вдвое), М. Елифёровой и Н.Л. Жуковской, высоко оценившим труд незнакомого им автора.

Сердечную признательность выражаю кишинёвскому университету «Высшая Антропологическая Школа», в котором были созданы наилучшие условия для работы над такой книгой: прежде всего М.Е. Ткачуку, создателю этого неповторимого интеллектуального центра, и его сотрудникам – Р.А. Рабиновичу, И.В. Манзуре, Н.Д. Руссеvu, В.Д. Цуркану, В.Н. Поливцеву, А.А. Романчуку, Ж.Б. Кроитор, А.Н. Буряну, Е.Ю. Звереву, Т.Л. Яйленко и другим, поддерживавшим меня во время этой трудной работы. Особо хотелось бы отметить бескорыстную помощь Т.Д. Бигдан и Ю.Д. Тимоотиной, не раз выручавших меня в трудных проблемах с переводами.

Я весьма признателен студентам Высшей Антропологической Школы и слушателям летних школ молдавского комсомола (с 2006 г.), не раз задававшим такие вопросы, ответ на которых порой требовал коренной переделки уже готовых частей текста. Чрезвычайно помогли мне в ответах на сложные вопросы В.И. Боршевич, Л.Б. Вишняцкий, П.Ю. Черносвитов, О.И. Манзура, Э.И. Колчинский, Александр С. Тулбуре. Все эти и многие другие люди делились со мной идеями и информацией, помогали литературой, порой остро спорили. Не преувеличивая, могу сказать, что без их поддержки работа вряд ли смогла бы состояться.

И особо хотел бы назвать Галю Засыпкину — моего доброго гения все эти годы.

ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Исторический миф — мощное оружие пропаганды нового и новейшего времени. По словам современного исследователя, «история сегодня в России, потерявшей идеологию, призвана выполнить функции религии <...>. Что может дать история, знание прошлого, чтобы люди могли жить в ладу с окружающим миром? Знание как негативных, так и позитивных прецедентов взаимоотношений человека и природы» (Кульпин 1998). Взгляд этот довольно распространён и даже логичен: откуда же мы можем знать о законах, управляющих поведением людей и сообществ, если не из прошлого опыта? К тому же в архаических мифологиях «центральную группу мифов, по крайней мере у народов с развитым мифологическим сознанием, составляют мифы о происхождении мира, вселенной (*космогонические мифы*) и человека (*антропогонические мифы*)» (Токарев, Мелетинский 1992: 11) ². Логично в таком случае, что в современном мифе его место занимают данные астрономии (переработанные, путём ценностного истолкования, в космогонический миф), физической антропологии (антропогонический миф), а далее — истории.

Поэтому в наши дни мифотворцы обращаются за поддержкой уже не к священным текстам или чудесам, а к исторической науке. Последняя, таким образом, оказывается в эпицентре идеологических баталий: она призвана *рационально* обосновывать мифологические, то есть по определению *иррациональные* построения. Родилась «чёрная история» — по аналогии с «чёрной археологией», то есть грабительскими раскопками, не имеющими прямого отношения к строгой науке.

Её авторы постоянно настаивают на том, что создают именно мифы — то есть «идеи, за счёт которых жилось лучше, а именно, полнее и веселее, нежели за счёт “современных идей”» (Ницше, *По ту сторону добра и зла*, I, 10) — и даже Миф с большой буквы. Условимся иногда так его и называть, чтобы был понятен ход мысли этих претендентов в Гомеры нашего времени. Хотя автор очень просит читателя не забывать, что между подлинным мифом — греческим, германским или индейским — и современным идеологическим Мифом такая же разница, как между настоящим бифштексом и вермишелевым концентратом «со вкусом говядины». В самом деле, идеологический Миф лишь использует некоторые механизмы подсознания, хорошо заметные в классической мифологии, чтобы изложить с их помощью совсем иное содержание и предложить его совсем иным людям — уже способным к иным, высшим видам мышления.

В примере из заключения «*Мифологий*» Ролана Барта философ, давший зарок никогда не выражаться мифологически, не в состоянии ни о чём говорить с экипажем самолёта, в котором летит (Барт 2004 {1957}: 285). Чтобы избежать мифологии, ему приходится изобретать другой метаязык — идеологию. Этот пример как нельзя лучше показывает, что мифология и идеология соединены *диалектиче-*

² Здесь и далее во всех цитатах, кроме специально оговоренных случаев, выделения принадлежат цитируемому авторам.

ским противоречием. Иными словами, это хоть и разные ягоды, но всё же одного поля. Имя этому полю — формы иррационального мышления. Избежать его человек не может: если он лишится подсознания, то станет машиной без всяких человеческих качеств. Но именно эта общая основа позволяет современным иррационалистам ставить свои идеологические конструкции на одну доску с мифами и даже рассчитывать, что когда-нибудь в них будут верить так же, как люди древности верили в свои мифы.

Этот феномен уже активно исследуется на материале отдельных стран или сюжетов. В Румынии достаточно назвать Лучиана Бойя, заслужившего даже прозвище «демифологизатора». Этот автор тщательно исследовал румынские исторические мифы, складывавшиеся от образования Румынского государства в середине XIX века до эпохи Н. Чаушеску включительно, и их зависимость от внеученных факторов. В фундаментальном труде *«История и миф в румынском сознании»* он предложил следующее определение мифа:

«воображаемая конструкция (что в то же время не означает ни “истинная”, ни “ложная”, но лишь изложенная в соответствии с логикой воображения), предназначенная для того, чтобы выявить сущность космических и социальных явлений в тесной связи с фундаментальными ценностями общества и обеспечить его единство. Исторический миф представляет собой, очевидно, переработку прошлого в смысле этого определения» (Voia 1997: 8).

Это определение и даже его фразеология («*constructie imaginară*» — «воображаемая конструкция») заставляет вспомнить Я. Э. Голосовкера (1987) с его «имажинативным абсолютом». При этом, согласно Л. Бойя, миф отличается системностью, претензией на «сущностную истину» («*adevăr esențial*»), объединяющим и упрощающим характером — то есть сведением всего многообразия фактов к «привилегированной оси интерпретаций», зато безразличен к тому, обобщает ли он «материалы истинные, или фиктивные, или те и другие одновременно» (*ibid.*: 7—8). Однако тема явно не закрыта, судя по сохраняющейся популярности мифологических ревизий прошлого.

М. Елифёрова (РГГУ) предлагает различать «два значения слова “миф”: 1) вид архаического мировосприятия; 2) “добросовестное заблуждение”, когда репутация предмета принимается за сам предмет. Первый характерен для древних культур, второй — для современной массовой культуры» (из личного письма от 28.06.2006). Конечно, исторический миф нашего времени всегда окажется в этой терминологии «мифом-2» — правда, с большей или (чаще) меньшей степенью «добросовестности». Но каждый его конструктор рассчитывает, что со временем его картина станет «мифом-1». Так же, как мечтал об этом Платон с его «благородным вымыслом» о людях трёх сортов (*Государство* III 414c — 415d). К тому же, как отмечает сама М. Елифёрова, для нашего сегодняшнего мира именно «миф-2» сохраняет грозную актуальность, в то время как «миф-1» — в лучшем случае этнографическое значение.

Допустим, мы пытаемся создать «миф-2» о нашей земле как некоей специфической зоне с особо благоприятными условиями для культурного развития. Допустим далее, что этот миф свободен от расового национализма и к тому же убедительно подтверждается историческими фактами. Больше того, только в таком виде эти факты могут стать достоянием массового сознания: ведь крестьянин, строитель

или врач вряд ли будет читать специальные исторические журналы, свой багаж знаний о прошлом он черпает из школьных учебников и газет. Заявленная конечная цель такого мифа — консолидация граждан всех национальностей ради построения достойного будущего для страны, в данное время весьма бедной. К тому же изначально он не нацелен против какой-либо другой страны или народа.

Но и при таком подходе остаются вопросы. Во-первых, сама необходимость конструировать и распространять миф предполагает, что само население на это не способно. Может получиться программа идеологического господства политтехнологов — грозная и опасная картина. Особенно если учесть, что такая профессия существует только в СНГ — в странах «декоративной демократии», — да и здесь умирает, не успев родиться, но успев показать свою низкую эффективность (Щербак, Эткин 2010). Но, с другой стороны, у правых во всём мире давно уже есть свои мифы, кочующие из страны в страну, подобно литературным сюжетам. При этом меняются только роли героев («мы», «наши предки») и злодеев, остальные части мифического метасюжета неизменны, как и положено в шаблоне.

Допустимо ли бороться с мифом с помощью другого мифа? Не означает ли это «изгонять бесов силою веельзевула, князя бесовского» (Лука 11:15)? А если этого не делать, вновь возникает прежний вопрос: возможна ли человеческая психология, обходящаяся вообще без мифов — одними рациональными конструкциями? Если у людей не будет надёжно проверенного и безопасного мифа — значит, будет какой-то другой, похуже. Для сравнения: медицина не может победить смерть, но это не значит, что медицина вообще не нужна, что можно вернуться от неё к первобытной магии, которая тоже ведь иногда кому-то помогала. Неужели либеральная или демократическая идеология — сама по себе не «миф-2», неужели она на сто процентов научна?

Любая человеческая общность невозможна без общих ценностей, фиксируемых единым базовым смыслом — смыслом, который культура предлагает своим носителям для оправдания их жизни и деятельности. Этот смысл невыразим до конца в словах (поскольку касается вещей метафизических и трансцендентных), поэтому он не поддаётся вполне логичному объяснению. Вместо этого он лишь *обозначается* основным символом данной культуры и *раскрывается* (возможно, скорее *иллюстрируется*) в её основном мифе. Без этого культура не может сложиться как нечто целое и ограниченное от всех прочих культур (см. Ткачук, 1996). Рационального сознания для этого недостаточно: ведь законы физики во всём мире едины. А культуры различны, больше того — именно в их различии и многообразии богатство человечества и его шансы на выживание перед лицом любых опасностей, которые может нести будущее.

Профессор Женевского университета Андре Реслер не так давно задался вопросом: почему так трудно идёт европейская интеграция, почему люди до сих пор считают себя скорее немцами, французами, итальянцами, чем европейцами? Почему, например, «европейское качество» в их устах означает обычно безликий шаблон или ширпотреб? ³ Ответ А. Реслера таков. В наши дни «национальные мифы намного превосходят европейские, лишённые институциональной базы и основополагающих актов — предвестников будущего (не будем касаться двух универсалистских мифов — мифа Революции и мифа современности)» (Reszler 2003: 542).

³ Любезная информация О. И. Манзуры, которой автор выражает свою благодарность.

«Европа имеет общую историю, которую литература и историография свободно может перевести в область мифа», однако «образ Европы слабо укоренён в скудной почве фактов», поэтому «мифология сообщества остаётся слабой, а её эмоциональное воздействие средним» (: 543). Евросоюз выбрал экономическую область на роль двигателя интеграции, но общественная психология не слишком восприимчива к аргументам выгоды, не приправленным чем-нибудь более возвышенным. «Современная Европа бедна на мифы, служащие интеграции, если не лишена их вообще» (Reszler 2003: 544). Между тем некоторые национальные мифы (Вильгельм Телль, Афины) имеют европейское измерение, и не исключено, что Грецию именно поэтому и приняли в ЕС (: 544—545). Первые европейские институты смогли сложиться не раньше, чем обрели свои символы: флаг единой Европы, гимн («*K радости*» Шиллера на музыку Бетховена). Исторические и культурные символы нового союза берутся из «общего наследия европейских народов»: Карл Великий, Александр Македонский, Евгений Савойский, Мария Терезия, а с 1999 — даже такой мрачный фанатик, как Карл V. И вывод автора: «Там, где символы жизнеспособны, мифы, из которых они взяты, тоже недалеко. Восстановить их во всей полноте — мечта нашего поколения» (Reszler 2003: 550).

Во-вторых, одно дело — исторические сведения, другое — их интерпретация, ценностное отношение. Самая опасная ложь — та, что на 99% состоит из правды. Миф отличается от науки не тем, что он не опирается на факты или сам их выдумывает (это как раз не обязательно), а тем, как он расставляет акценты, чему придаёт высшую ценность.

Попытаемся разобраться, как создаются такие историко-мифологические конструкции и как они внедряются в массовое сознание. И начнём для этого с примера, оценка которого недвусмысленна для любого нормального человека.

I. «МИФ КРОВИ» И ЕГО АВТОР

1. «Dieser Balte»

*Вот дети, стыд отцов и матерей, —
Кем ум и сердце в них отравлены? — Тобою.*

И. А. Крылов. Разбойник и Сочинитель

Альфред Розенберг даже в компании нацистских вождей, не блиставших никакими талантами, был на невысоком счету. В предисловии к своей главной книге он сетует на «великих моральных теологов», говоривших:

«Этот выходец из Прибалтики (Dieser Balte) — такой же борец за культуру⁴, как и боксёр. У бедняги неизлечимый внутренний страх перед площадью святого Петра [папством — Л. М.], и он выражает это неистовыми криками». И они советовали Гитлеру надеть на меня смирительную рубашку, чтобы не переохладился: он-де слишком часто подвергался действию русской зимы» (Rosenberg 1934: 10).

«Тучный туповатый прибалт», «этот скучный, глупый, нескладный человек» — таким запомнился он американскому историку и публицисту Уильяму Ширеру, долго жившему в нацистской Германии, видевшему своими глазами и нацистских вождей на вершине их власти, и Нюрнбергский процесс, а затем работавшему в оставшихся от рейха архивах (Ширер 1991 {1960}: 181—182). Но упорный волчий взгляд, которым Розенберг глядит со своих фотографий, напоминает фразу Герцена о Николае I (Былое и думы, I,3): «Он на улице, во дворце, с своими детьми и министрами, с вестовыми и фрейлинами пробовал беспрестанно, имеет ли его взгляд свойство гремучей змеи — останавливать кровь в жилах». Однако при этом Николай, по крайней мере, был сильной личностью, не чуждой ни талантам, ни благородным (по-своему) движениям души. А Розенберг?

1.1. Из «культуртрегеров» — в «мигранты»

Но как бы то ни было, я не Швед. Увы, нет никакого сомнения: я Финн или Эст, или, попросту сказать, Чухонец! Потомству обязан я говорить всю истину, но от современников буду тщательно скрывать сию ужасную тайну.

Ф. Ф. Вигель. Записки, ч. I, II

Сын эстонки и латыша (Колчинский 2007: 369), Альфред Розенберг родился в 1893 г. в Ревеле (Таллинн) и по культуре принадлежал к остзейской немецкой общине. Позже, уже в Германии, ему не раз доставалось от «партайгеноссен» («товарищей по партии») за неарийское происхождение. Но будь он даже по всем критериям немцем, происходи он от ливонских рыцарей, — всё равно в державе, приход которой он пророчествовал («das kommende Reich» — «Грядущее Царство», назва-

⁴ В оригинале двусмысленность: Kulturkämpfer — 1) борец за культуру; 2) участник националистического движения «Kulturkampf», направленного в основном против католической церкви (1870—1880-е годы). В этой борьбе за светский характер национального государства и культуры участвовали немцы самой разной политической окраски — от державника Бисмарка до либерала Вирхова.

ние третьей части его книги), он был бы самое большое *Volksdeutsche* — «этническим немцем» из-за рубежа, не варившимся в идеологическом котле кайзеровской Германии, не прошедшим на её стороне мировую войну. А это — второй сорт по сравнению с любым *Reichsdeutsche* — немцем из Германии, даже если тот «гимназиев не кончал».

Учился он в Риге, а затем в Москве — на инженера-строителя, окончил МВТУ — тогда ещё не имени Баумана — в 1917 (Ширер 1991 {1960}: 73) или 1918 году (ЭТР 1996), и тогда же стал фанатичным противником большевизма. Впрочем, для его облика как идеолога в высшей степени характерно, что в 1918 г. он подавал заявление в РКП(б), но не был принят, и слухи об этом эпизоде поддерживали его противники по партии (см.: Ширер 1991 {1960}: 73)⁵. Не потому ли позже Розенберг так истерично демонстрировал «расовую» вражду к большевикам — чтобы не считаться среди нацистов «бифштексом», коричневым снаружи, но красным со стороны нутра? С другой стороны, оказавшись в 1918 г. в Ревеле, он попытался вступить добровольцем в германскую армию, но не был принят уже как «русский» (там же). Эти метания — явный след отсутствия определённости в ответе на сакраментальный вопрос «кто я такой?» — определённости, тоской по которой веет со многих страниц его главного сочинения.

По специальности он практически не работал. В конце 1918 г. вместе с отступавшими из России немецкими войсками Розенберг эмигрировал в Германию (Кон 1990: 165), застал там Ноябрьскую революцию и сразу же ушёл в политику и мистику, которых не различал. В нацистскую партию он вступил уже в 1919 г., практически с момента её основания — даже раньше Гитлера, которому немало помогал в том, чтобы оттеснить основателя партии Дрекслера и занять место председателя (1921). Вместе с другими членами оккультного антисемитского «Общества Туле» — поэтом Д. Эккартом, умершим от белой горячки в 1923 г. (Ширер 1991 {1960}: 62, сн.1), и Р. Гессом — он сыграл немалую роль в том, чтобы обратить Гитлера к политической активности. Как замечает Уильям Ширер (1991 {1960}: 127), многие «факты» для конструирования своей доктрины Гитлер получал из вторых рук — «скажем, слышал о них от такого бестолокового псевдофилософа, как Альфред Розенберг, или от своего друга, пьяного поэта Дитриха Эккарта...». В том же 1921 г. Розенберг стал главным редактором партийной газеты «*Völkischer Beobachter*» — «*Народный обозреватель*» (Kistler 1991: 3). В 1930 г. он стал депутатом рейхстага от НСДАП и представителем партии по вопросам внешней политики (НП VII: 452).

1.2. «Скиф и тевонец — братья навек»

Выходец с национальной окраины Российской империи, он был свидетелем краха остзейских немцев. Двести лет они были вернейшей и излюбленной опорой русских царей: квалифицированные, педантичные, образованные, нередко — не берущие взятку, усвоившие кантовское понятие о чести (помните грибоедовского Репетилова: «тесть немец, а что проку?»), и в то же время — служащие именно царю, а не чужому отечеству. Точно так же как их коллеги на родине служили не Герма-

⁵ Информация любезно предоставлена профессором В. И. Боршевичем, которому автор выражает искреннюю благодарность.

нии, а тому из 36 князей ⁶, при дворе которого оказались волею карьерной судьбы. Кризис личной власти царя и кайзера, а затем и крах обеих империй сделал этих рыцарей *лично* долга никому не нужными. Уже при жизни Розенберга немецкий Дерпт превратился в русский Юрьев, а затем — в эстонский Тарту.

И в то же время, прекрасно зная русский язык и учась в Москве во время националистического угара, вызванного мировой войной, юный остзеец явно успел познакомиться с идеями русских черносотенцев, тем более что и после войны центром их эмиграции стал Берлин (либеральные эмигранты охотнее уезжали в Париж). Обмен идеями между националистами обеих стран был взаимным: в 1880-х гг. эпигоны тевтонофильства экспортировали в Россию теоретический антисемитизм, а в 1920-х гг. эпигоны славянофильства с лихвой вернули долг, вывезя в Германию *«Протоколы сионских мудрецов»* и идею тождественности большевизма с еврейством (Янов 1990: №9, 149—150). Гремучая идеологическая смесь была создана усилиями теоретиков-«почвенников» двух соседних империй, вошедших в Новое время схожими путями: обе они встретили Великую французскую революцию самыми отсталыми странами Европы, страдающими от своей отсталости, обе они мучились стремлением «показать» нечто новое этим зазнавшимся западным соседям. По словам немецкого историка Вальтера Лакера, теория антисемитизма, родившаяся в Германии в 1830-х годах, «обнаружила полную меру своей ядовитости только в России... Штекер, Алвардт стали подлинными отцами русских погромов» (цит. по: там же, 149). Тот же В. Лакер с документами в руках доказывал, что сама идея антибольшевизма была внушена Гитлеру русскими эмигрантами, искавшими метафизические причины своего сокрушительного поражения в революции и гражданской войне, но оказавшимися неспособными даже на обычный политический анализ событий (: 155).

В их числе был и Фёдор Викторович Винберг (1871—1927), сын русского артиллерийского генерала, «полубезумная, полууголовная личность» (Кон 1990: 101). До революции он был черносотенным журналистом, членом *«Союза русского народа»* и *«Союза Михаила архангела»*. Как и Розенберг, в 1918 г. он покинул Россию с отступающими германскими войсками, взяв с собой книгу С. А. Нилуса (мистического писателя с явной тяжёлой психической патологией), включавшую *«Протоколы сионских мудрецов»*. Вместе с Готфридом цур Бек (псевдоним Л. Мюллера) он издал немецкий перевод *«Протоколов»*, положив тем самым начало нацистской вакханалии вокруг этой фальшивки. С Розенбергом Винберг был хорошо знаком, поставлял ему «факты» и оказал на него огромное влияние (Кон 1990: 100—102, 166—167).

Смесь обиды от утраты его этнической группой положения, к которому она привыкла и которое считала заслуженным, и чувства, что отныне человечество будет «квантоваться нациями» (А. И. Солженицын), сделала Розенберга тем, чем он стал: философом-националистом и в то же время фанатиком уходящего мира. «Для карьеры Розенберга немаловажным фактом оказалось то, что именно он впервые в 1923 г. назвал Гитлера “фюрером Германии”» (Колчинский 2007: 369). (Позже, уже перед судом, на вопрос Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко: «Вы были ближайшим сподвижником Гитлера в выполнении всех его планов и замыслов?» —

⁶ Это в XIX веке, а столетием раньше считалось, что в Германии столько княжеств, «сколько дней в году».

Розенберг почти закричит: «Нет, это не так. Это совершенно неверно»: НП V: 175; НП VII: 226). Но в рамках национализма он сам был «манкуртом» с неразборчивой латышско-эстонско-немецко-российской национальностью и воспринимал это как свою беду, загоняя себя тем самым в идеологический и нравственный тупик: ведь происхождение нельзя изменить, никто не родился по собственному выбору. Отсюда попытки такого человека спрятаться от неразрешимого (с точки зрения его теории) противоречия, заглушить его потоком громких слов и помпезных дел, а главное, влезть в чужую карету — стать большим немцем, чем сами эти самодовольные *Reichsdeutsche*. Это сделало его готовым на всё из идейных соображений, но престижа даже среди соратников не прибавило.

Именно он вместе с другим беженцем из России — Шейбнер-Рихтером — в октябре 1923 г. подсказал Гитлеру план захвата баварских лидеров в заложники. Этот план был осуществлён 8 ноября того же года — в виде «пивного путча» (Ширер 1991 {1960}: 94—95). В тот день Розенберг вместе Герингом и другими «вождями» маршировал в первой колонне штурмовиков.

«Перед арестом в связи с “пивным путчем” Гитлер назначил Розенберга своим заместителем, хотя тот не пользовался популярностью среди нацистов: его считали “чернильной душой”, “бумажной крысой”. Но он был той фигурой, конкуренции со стороны которой Гитлер несколько не опасался» (Рагинский 1986: 89).

После провала путча его позиции не улучшились. Узвлённый новыми фигурами, появившимися в руководстве партии, он на время отошёл в сторону. Когда же Розенберг вместе с Людендорфом потребовал исключить из движения компрометирующих его членов — преступников и сексуальных извращенцев, — Гитлер публично заявил в передовице его же газеты от 26 февраля 1925 г.: «Я не считаю, что в задачу политического руководителя входит улучшение, а тем более перековка человеческого материала, которым он располагает» (см.: Ширер 1991 {1960}: 152). Проверка морального облика нацистов была доверена особой комиссии, обратившей это дело в фарс.

Явно разочаровавшись в своих способностях как руководителя массового движения, этот «тучный туповатый прибалт» начал «выпускать одну за другой весьма путаные по содержанию и форме книги и брошюры. Апогеем его сочинительства явился 700-страничный труд, озаглавленный “Миф двадцатого века”. Книга эта являла собой нелепое нагромождение незрелых идей о превосходстве нордической расы — идей, выдававшихся в нацистских кругах за учёность» (Ширер 1991 {1960}: 181—182).

1.3. «Партийный философ»

*Раз архитектор с птичницей спознался,
И что ж? — в их детище смешались две природы:
Сын архитектора — он строить покушался,
Потомок птичницы — он строил только «куры».*

Козьма Прутков. Эпиграмма № II

Положение Розенберга не улучшилось и после 1933 года, когда он вошёл в вершушку новой власти. Больше того, «к моменту прихода партии к власти Розенберг уже начал терять в ней влияние» (Кон 1990: 166). В 1938 г. он после отставки К. фон Нейрата метил в министры иностранных дел и был очень обижен, когда этот

пост достался И. фон Риббентропу, даже вроде бы грозил полной отставкой. Тем не менее он стал рейхсляйтером (начальником по партийной линии) ⁷ сразу трёх областей: идеологии, работы с молодёжью и внешней политики. Такое экзотическое сочетание достаточно логично для режима, основанного на пропаганде, нацеленной как на собственное население (особенно на юношество), так и на окружающий мир. По словам адвоката, защищавшего в Нюрнберге К. фон Нейрата, «одно время в Берлине даже существовало три вида министерств иностранных дел: министерство Розенберга, министерство Риббентропа и официальное министерство на Вильгельмштрассе» (НП VII: 227). Кроме того, он остался издателем официальной партийной газеты «*Völkischer Beobachter*» (*Народнический обозреватель*) ⁸, игравшей в нацистской Германии ту же роль, что «*Правда*» в СССР.

Его книга «*Миф XX века*», вышедшая впервые в 1929 г., к концу войны выдержала в Германии больше 180 изданий общим тиражом почти в 1.075 тыс. экз. (Колчинский 2007: 498, сн.469) — только тиражи «*Mein Kampf*» были в этой стране ещё больше. Несколько лет назад автор этих строк попросил одного из коллег отыскать эту книгу в библиотеках Берлина. Оказалось, что записываться на неё надо за три недели: все уцелевшие экземпляры — на руках... ⁹

Тем не менее, «Розенберг, хотя и был назначен Гитлером ответственным за воспитание целостного мировоззрения у НСДАП, в политическом отношении был слабой фигурой» (Колчинский 2007: 452). К тому же Гитлер не допускал сосредоточения власти в какой-либо сфере в одних руках. Наука (в том числе и мистическая философия, выдаваемая за науку) в рейхе была поделена между двумя организациями: «Управлением Розенберга» (Amt Rosenberg) и отделом СС «Наследие предков» (SS-Ahnenerbe), возглавляемым заместителем и тестем Гимmlера (Рагинский 1986: 181) — Вольфрамом Зиверсом. Патронами нового института стали Г. Гимmlер и «рейхсфюрер крестьянства» В.Р.О. Дарре (о котором речь пойдёт позже). Такой конкуренции «бумажная крыса» выдержать не могла. Розенберг был слишком деспотичен (подобно многим дилетантам, дорвавшимся до признания), чтобы нормально руководить учёными, но при этом слишком учён, чтобы удовлетворить полуграмотных нацистов (хотя окончил, как уже упоминалось, лишь высшее техническое училище, а в гуманитарной сфере был самоучкой). В его управлении процветал самый махровый мистицизм, и Н. Кон (1990: 178—179) пишет об антисемитской пропаганде нацистов: «Огромное количество соответствующих сведений выдавало Министерство пропаганды Геббельса, где в них почти не верили, и различные партийные учреждения, подчинявшиеся Розенбергу, где верили гораздо большему».

⁷ Высшим органом нацистской партии считался назначаемый «директорат», или «имперское правление» (Reichsleitung), состоявший из рейхсляйтеров, то есть руководителей функциональных организаций, и руководителей примыкающих главных управлений и учреждений (НП VII: 408). Таким образом, например, «рейхсляйтер по идеологии» в СССР соответствовал бы посту: «член ЦК, ответственный за идеологическую работу», то есть посту, который при Хрущёве и Брежневеве занимал М. А. Сулов.

⁸ Понятие *völkisch* в немецком языке означает буквально «народный», но лишь в крайне шовинистическом духе («Давайте, братцы, её своим судом судить... народнымим!») — Салтыков-Щедрин: *За рубежом: Торжествующая свинья, или разговор Свиньи с Правдою*). Поэтому автор (и не он первый) счёл адекватным иной перевод для этого термина: не «народный», а «народнический».

⁹ В русском переводе «*Миф XX века*» был недавно издан в Таллинне (Розенберг 1998). В данной работе, однако, использовался только немецкий оригинал.

На таком фоне выигрывал даже Г. Гиммлер: сам тёмный оккультист, «почётный доктор археологии» со средним образованием, личная практика которого в египтологии ограничилась неудачным опытом основания куриной фермы, он когда-то мечтал об академической карьере и успел хотя бы научиться уважать учёных (Навманн 2002) — как людей, способных приносить пользу. По крайней мере, он понимал, что есть сферы (например, технологии), в которых никакие «грёзы духовидца» и «промывания мозгов» не могут заменить научных фактов и методов. И даже пропаганда выглядит убедительнее, если в подтверждение можно привести хоть какой-то несомненный факт — например, археологическую находку (как её толковать — дело интерпретатора; по крайней мере, строгая процедура археологической интерпретации, уменьшающая риск использования находок в интересах «социальных технологий», в то время ещё не была разработана). Х. Хассман даже считает, что в «Ahnenerbe» была возможна археология, свободная от идеологии. Конечно, это преувеличение: «серьёзные научные исследования могли иметь место при любом спонсоре, но нейтральность вряд ли была возможна — даже при отсутствии идеологической начинки в самих работах: ведь одна лишь группировка в военизированных рядах под определённым знаменем означала поддержку этого знамени» (Клейн 2003—2004: 385). Но здесь всё же делалось хоть что-то, что можно было применять на практике: например, аэрофотосъёмка на высочайшем по тем временам уровне. А действительно крупные учёные, которых ценили власти, могли даже рассчитывать на «розовые очки» — право не участвовать лично в преступлениях, если они того не желают, или даже так ограничиться стенами своих лабораторий, чтобы вообще не слышать, что творится вокруг них. Поэтому денацификация для них была формальной — они сравнительно легко доказывали, что не делали ничего такого, чем не занимается учёный в любой стране.

Но так поступали не все, и не для того было создано «Ahnenerbe». Его деятельность в захваченных странах не поддаётся оправданию: она целиком сводилась к обоснованию «исторических прав» Германии на востоке. Таковы, например, раскопки военного времени в Крыму (Навманн 2002: 110). Чудовищны были результаты этой активности в Польше. Погибла треть польских археологов, в своё время сильных оппонентов Косинны, воевавших против него его же оружием (Клейн 2000: 125—127). Университеты в Варшаве и Познани были закрыты, богатейшие археологические коллекции не просто разграблены или вывезены, как на Украине, а уничтожены. Взамен были созданы новые, по сути оккупационные, учреждения, с чисто политическими задачами. Так, в Кракове был создан «Институт для германской работы на Востоке» (Institut für deutsche Ostarbeit), кафедру преемственности в котором возглавлял профессор В. Радиг, до этого работавший в педагогическом колледже (!) в Эльбинге. В его задачу входила в основном пропаганда, научная же работа сводилась к охране памятников (Навманн 2002: 102).

Однако даже такие задачи «Управление Розенберга» не умело исполнить. Там сложилась другая атмосфера, проникнутая духом «фюрерства» (вождизма). Ведь мистицизм вообще не опирается на факты и логическую аргументацию: то и другое заменяется авторитетом гуру. По словам Цицерона, ученики Пифагора не имели права рассуждать — вместо этого они должны были ссылаться на Учителя со словами: «Ipse dixit» — «Сам сказал». К тому же в Германии вождизм в сфере духа укрепился гораздо раньше, чем в политике. Уже Гегель не допускал признания право-

ты своих оппонентов ни по одному вопросу (полагая, что тем самым он отказал бы своей теории в праве на абсолютность) и как-то раз даже не побрезговал искать на них управу у прусского министра полиции. Многие лидеры немецких научных, философских, художественных школ того времени известны крайним деспотизмом. Достаточно сказать, что двое ассистентов великого медика Р. Коха, получив данные, расходившиеся со взглядами их учителя, не осмелились опубликовать их до самой его смерти: иначе Кох не только уволил бы их, но и смог бы добиться, чтобы их никуда больше не взяли. Эта тенденция, не полностью изжитая и у нас, при нацизме неизбежно усилилась.

Поэтому в «Управлении» тянулись либо шарлатаны, либо научные карьеристы, мечтавшие стать «вождями» своих направлений. В обоих случаях их деятельность сводилась к личным интригам. Так, в рамках «Управления» постепенно сложился «Имперский союз германской преистории» (*Reichsbund für Deutsche Prähistorie*). Возглавил эту организацию Ганс Рейнерт, до 1933 г. — приват-доцент (университетский преподаватель без штатной должности и оклада) в Тюбингене, автор раскопок в Федерзее. После неудачных попыток добиться штатной профессуры он пошёл на союз с нацистами, чтобы под их опекой сделать научную карьеру (Навманн 2002: 72). Эта борьба за пост наложила отпечаток на всю его дальнейшую судьбу, привела к сознательной жертве научной истиной ради соображений «партийной линии» и собственного служебного положения. У Рейнерта были задатки для того, чтобы стать действительно крупным учёным, однако он сам похоронил их, беззастенчиво манипулируя фактами в угоду идеологии. Кроме того, обрётённую власть он постоянно использовал для интриг и сведения счётов с «завистниками», реальными или мнимыми соперниками. В конце концов недобросовестный стиль руководства Рейнерта разложил *Reichsbund*. Серьёзные учёные его покинули, остались шарлатаны.

Борьба между «Имперским союзом» и «Наследием предков» не прекратилась даже после Победы и завершилась лишь в конце 1940-х годов: Рейнерт (единственный из археологов, служивших нацистскому режиму) был лишён профессуры — не потому, что он был виновен более других, а потому, что сами же немецкие археологи нашли, наконец, способ избавиться от этой опостылевшей им фигуры. В дальнейшем Рейнерт вновь получил профессорскую степень, но не должность, вёл лишь небольшие раскопки, занимал невысокие посты в частных организациях и до самой смерти демонстрировал верность идеям, с которыми слишком тесно себя связал. Морально же его учреждение распалось ещё раньше. Что касается *SS-Ahnenerbe*, то его директор В. Зиверс был казнён по приговору Нюрнбергского трибунала — но не за действия в области науки, а как один из высших чинов СС, лично виновный в тягчайших военных преступлениях. А работавшие под его началом преисторики не пострадали (Навманн 2002; см. тж. рец.: Мосионжник 2000: 447).

В других областях несостоятельность «Управления Розенберга» как организации выявилась ещё раньше. Когда в 1936 г. Й. Штарк, претендовавший на роль «диктатора физики», выбрал Розенберга почётным президентом своего фонда, это стоило ему карьеры: он нажил себе врагов в верхушке СС. Несомненно крупный физик, Й. Штарк связал себя с нацизмом едва ли не из зависти к А. Эйнштейну и пытавшемуся сохранить чистоту «белых одежд» В. Гейзенбергу, но сам же поставил этим крест на собственном научном будущем: как и Рейнерт, он посвятил оста-

ток жизни борьбе за кресло (Колчинский 2007: 452—454). Между тем Эйнштейн не претендовал на «диктатуру» — он просто *был* величайшим физиком своего времени.

Вождизм вредит науке уже тем, что ограничивает развитие любой теории временем жизни её Основоположника и Единственного Классика, а борьбу идей подменяет борьбой амбиций и принципом личной верности. Так случилось, например, с яфетической теорией: «душевная болезнь и смерть Марра не оставили шансов на создание даже элементарного курса по яфетиологии, а её многочисленные апологеты в СССР эту задачу были выполнить не в силах» (Гункина 2000: 390). Какое-то время марризм господствовал в СССР как псевдонаучная догма, а в 1950 г. стал главной жертвой сталинской «дискуссии по вопросам языкознания», о чём тогдашние лингвисты, избавившиеся хотя бы от одного кумира, не пожалели. Лишь с 1990-х годов начался осторожный пересмотр наследия Н. Я. Марра, показавший, что среди его идей (а особенно — среди идей его учеников) были и действительно интересные. Но это стало возможным лишь в другой научной атмосфере — без вождистских амбиций.

Однако то же повторилось в сфере, которой Розенберг занимался лично. Инженер без высшего гуманитарного образования, он счёл себя специалистом в мифологии, социальной психологии, антропологии и Бог знает в чём ещё. При этом «Розенберг простодушно верил в галиматью, которую писал» (Кон 1990: 169), — в отличие от таких профессионалов сознательной лжи, как Й. Геббельс. Однако ему достался скорее почёт, положенный по должности члену партийной верхушки — «Reichsleitung», реально его мало уважали даже сами нацисты:

«Официальная версия национал-социалистической расовой теории была изложена в трудах А. Розенберга и В. Гросса, обязательных для изучения всеми членами НСДАП, которые, правда, тоже вызывали немало нареканий со стороны лидеров Третьего рейха. Их труды также не были канонизированы, включая книгу Розенберга “*Миф XX века*”, считавшаяся второй по значимости после книги Гитлера “*Моя борьба*”. Но сам фюрер находил труд Розенберга неясным и слишком мистическим для того, чтобы иметь какое-то практическое значение. Кроме того, высказанный в ней призыв к непримиримой борьбе с христианством противоречил политической тактике Гитлера. Геббельс, усматривавший в Розенберге главного конкурента в борьбе за лидерство в области идеологии, называл его труд философской отрывкой (*philosophischer Rülps*¹⁰), добавляя, однако, что Розенберг удивил своей прилежностью, сочетая функции учителя, журналиста и политика. Тем не менее, именно сочинение Розенберга стало единственной достойной упоминания попыткой дать систематическое изложение официальной национал-социалистической философии, включая и разделы по антропологии и расологии. Несмотря на насмешки высокопоставленных партийных товарищей, Гитлер поручил Розенбергу контролировать всю внутрипартийную агитационно-воспитательную и учебную работу среди членов НСДАП, включая отдел по науке (*Hauptamt der Wissenschaft*), и назначил его руководителем внешнеполитического отдела НСДАП. Это позволило Розенбергу не только использовать свои идеи как основу политики на оккупированных территориях, но беспрепятственно продвигать свой расовый мистицизм и оккультизм как официально признанные партийные установки, что неизбежно привело его к противоречию с лидерами нордического движения, особенно с Г. Ф. К. Гюнтером» (Колчинский 2007: 498—499).

¹⁰ Слово *Rülps* имеет по-немецки два значения: 1) отрывок; 2) хам, грубиян.

10 февраля 1940 г. Геббельс записал в дневнике: «Полный разлад. Лей вместе с Керрлем [рейхсминистром воспитания, науки и народного образования] ссорится с Розенбергом и т. д. И это среди войны, и каждый взывает к фюреру» (Kistler 1991: 75). Характерно, что эту цитату доктор Гельмут Кистлер приводит в главе: «*Структура власти: “гитлеризм” — “многовластие” — “организованный хаос”*» (ibid.: 74). Бывший рейхсминистр вооружений и боеприпасов А. Шпеер в своих воспоминаниях сообщает пикантные подробности:

«Розенберг распродал свою 700-страничную книгу “*Миф двадцатого века*” сотнями тысяч экземпляров. В общественном мнении она воспринималась как основополагающий труд партийной идеологии, но Гитлер во время таких чаепитий отзывался о ней как “штука, которую никто не поймёт”, написанную “неким узколобым прибалтом со страшно усложнённым способом мышления”. Он всё удивлялся, что такого рода книга смогла заполучить такие тиражи: “Это же шаг назад, в средневековые представления!” Не ясно, дошли ли до Розенберга эти частные высказывания» (глава «*Оберзальцберг*»).

Если так казалось даже самому Гитлеру... Впрочем, быть может, в нём говорила элементарная зависть к дипломированному архитектору — самого-то его на архитектурный факультет в своё время даже не приняли (Ширер 1991 {1960}: 73)? Вдобавок судьба его собственной книги была вряд ли лучше, несмотря даже на то, что не иметь её в доме было в нацистской Германии опасно:

«Вовсе не обязательно, что каждый немец, купивший “*Майн кампф*”, прочёл её. Я слышал от многих убеждённых нацистов, что им было трудно читать эту книгу, и не так уж мало немцев в частной беседе признавались, что не смогли осилить до конца высокопарный опус в 782 страницы. Можно, по всей вероятности, утверждать, что если бы большее число немцев, не являвшихся членами нацистской партии, прочли эту книгу до 1933 года и если бы государственные деятели разных стран внимательно изучили её, пока ещё не было поздно, то и Германию, и весь мир удалось бы спасти от катастрофы» (Ширер 1991 {1960}: 109—110).

Гитлеру явно импонировало, что Розенберг не умнее его самого, несмотря на весь свой фактографический багаж. Поэтому он с удовольствием поддерживал издательства над соратником, писавшим в начале своей 3-й книги явно о себе: «Придёт когда-нибудь время, когда народы начнут почитать своих великих мечтателей как величайших людей фактов» (Rosenberg 1934: 453), и сам подначивал его:

«Гитлер часто в шутку говаривал, что пытался прочесть её, а Ширах, воображавший себя писателем, заметил однажды, что Розенберг “продал больше экземпляров книги, которую никто не читает, чем какой-либо другой автор”» (Ширер 1991 {1960}: 182).

«Излюбленной мишенью шуток Геббельса был Розенберг, которого он иначе, чем “Имперский философ”, и не называл и унижал всякими анекдотами. В этом случае Геббельс всегда мог быть уверенным в успехе у Гитлера. И он так часто эксплуатировал эту тему, что его рассказы походили на настоящий театр — с заученными ролями и актёрами, ожидающими выхода. Заранее можно было быть уверенным, что Гитлер в конце скажет: “*Фёлькишер беобахтер*’ — такая же скучотища, как и её издатель Розенберг. Есть у нас и партийная сатирическая газета ‘*Крапива*’ — самое безутешное издание, какое только можно себе представить! А с другой стороны, — ‘ФБ’ — не что иное, как юмористическая газетёнка»» (Шпеер, Воспоминания, глава «*Будни Рейхсканцелярии*»).

Заметим в скобках: чтобы понять психологию этой компании, нужно выжить из ума. Они считали себя людьми, указующими новый путь человечеству, но при

этом даже сами смотрели друг на друга как на шутов гороховых. Какой же «новый путь» вообще был возможен при таком руководстве?!

В конечном итоге исследования, проводившиеся в «Управлении Розенберга», не дали ничего такого, что пошло бы на пользу не только мировой науке, но хотя бы даже самому нацистскому режиму. Не удивительно, что его глава не добился большего, чем внешние признаки показного уважения. Яркий факт этого рода: после оккупации Франции Розенберг сумел вытребовать у местных властей, зависевших от СС, лишь право получать от них любые рукописи, имевшие какое-либо отношение к мистике (например, тамплиерские). Тем не менее за все 4 года оккупации ему не передали ни одного листка (Деларю 1994).

1.4. Наместник на Востоке

*...Стояли виселицы в ряд.
Меж ними двигалась фигура,
Воя о зверском грабеже...
“Так, так! — мудрец промолвил хмуро, —
К несчастью, вижу, что культура
Здесь утвердилась уже!
<...> Вот о какой такой культуре
Мечтают эти подлецы!*

Демьян Бедный

Применение Розенбергу нашли с началом войны на Востоке. Как знаток России, 17 июля 1941 г. он стал-таки министром — по делам оккупированных восточных территорий. Деятельность на этом посту и привела его после Победы на Нюрнбергскую скамью подсудимых.

Что же вскрылось на этом процессе? Сам Розенберг и его адвокат — доктор Томá — утверждали, что министр, как гражданский наместник, практически был лишён полномочий. Ему не подчинялись ни армия, ни полиция, ни экономические, ни партийные органы. Авторитет Розенберга к этому времени упал до нуля. Мавр сделал своё дело — создал философию расовой ненависти, и теперь даже спрашивать его мнение по любому вопросу было уже излишне. Так, в апреле 1941 г. Гитлер (как утверждает Тома) внезапно вызвал будущего министра Востока к себе и сообщил о предстоящей войне с СССР. «Розенберг оказался тогда, как он об этом сообщил в своих показаниях, перед свершившимся фактом, и его попытки вообще сказать что-либо по данному поводу были пресечены фюрером, сделавшим замечание, что приказы всё равно уже отданы и что дела не изменишь...» (НП V: 690—691).

Но пост он всё-таки принял. Почему? Через пять лет, уже в Нюрнберге, стенограмма отмечает:

«Руденко: Мы предъявляем этот документ под номером СССР-117. В этом письме вы высказали свою обиду в связи с назначением подсудимого Риббентропа министром иностранных дел. Правда это?

Розенберг: Да, да.

Руденко: Вы считали, что таким министром иностранных дел гитлеровского кабинета могли быть вы. Это правда?

Розенберг: Да. Я не считаю чем-либо порочащим меня то, что после стольких лет деятельности я выразил желание быть использованным на государственной службе в Германской империи» (НП V: 175).

А «государственная служба», видимо, включала посты не ниже министерского. Но при этом, по его собственным утверждениям, Розенберг получил синекуру без реальной власти. В его управлении находились два громадных рейхскомиссариата: Остланд (Прибалтика с Белоруссией) и Украина. Но их наместники (соответственно Лозе и Эрих Кох) по всем вопросам обращались лично к Гитлеру, минуя своего министра. Это была обычная практика рейха, различные чины и службы которого грызлись, как пауки в банке. Это позволяло Гитлеру контролировать их всех, а им самим — выдавать эту карьерную борьбу за принципиальные разногласия, сваливая перед трибуналом вину друг на друга. Розенберг делал это очень охотно — и даже не без оснований. Выходило, что он ни от кого ничего не мог потребовать, по любому вопросу должен был лишь писать отношения к коллегам, ему не подчинённым, и если даже отдавал какие-то приказы, то понятия не имел, как они исполняются. Конечно, в таких условиях он не мог бы сделать ничего полезного, даже если бы (если бы!) хотел. Но ни одно правительство XX века не стало бы долго держать такого министра.

Действительно, СС боролась с министром оккупированных территорий, план которого предусматривал хотя бы относительную самостоятельность некоторых национальностей и тем противоречил генеральному плану (Kistler 1991: 65). Даже в приговоре было отмечено:

«В отдельных случаях Розенберг возражал против эксцессов и зверств, совершавшихся его подчинёнными и особенно Кохом, однако эти эксцессы продолжали иметь место, и Розенберг оставался на своём посту до конца» (НП VII: 455).

Следствию было представлено письмо на его имя, автор которого отмечал, что сожжение людей в сараях вредит имиджу германских властей — служит антирекламой, чёрным пиаром, как сказали бы в наши дни. Наместник не мог этого не понимать, и в связи с этим Тома говорил:

«Господин обвинитель Брудно 9 января 1946 г. упрекает подсудимого в том, что если последний и протестовал, то он протестовал не по каким-либо гуманным соображениям, а в силу политической целесообразности. На это я могу сказать: не следует без достаточных оснований лишать подсудимого Розенберга всех человеческих качеств» (НП V: 698).

Человеческих? О да: «человеческих, слишком человеческих». Может быть, он даже страдал оттого, что его философия требует таких ужасных практических следствий. Так же как Гитлер был вегетарианцем, жалел овец и коровок. Но почему это не мешало ему вести политику, для которой слово «людоедская» — слишком мягкое? И какое до этого дело его жертвам?

Что тому, кого убили вчера,
от утехи, что его палачам
кофе кажется невкусным с утра
и не спится иногда по ночам?

И. Губерман

Допустим даже, что это правда. В конце концов, ни один преступник не появился на свет сразу законченным кровопийцей. Очень мало кто сознательно творит зло — чаще человек уверяет сам себя до последней возможности, что творит добро,

даже вопреки очевидности. Послушайте блатной фольклор: хоть один его герой признаётся, что убийство или кража — зло? Попевка всегда одна: не я виноват — так само сложилось. Следователь рад новой звёздочке, прокурор — злодей, жертва моя — лох (таких только учить), товарищи предали, но сам я — честный вор! Допустим и здесь: хоть деяния Розенберга — бесспорное зло, сам он мог этого и не понимать. Или не желать понять.

Но даже при таком отношении к жизни, если начальник не может ни одобрить поведение своих подчинённых, ни унять их, долг чести — той самой чести, которую Розенберг так часто поминает в своей главной книге, — обязывает его хотя бы умыть руки. Ещё двадцать три века назад Мэн-цзы спрашивал сановника Кун Цзюйсина: если пастух, получивший от хозяина стадо в аренду, не найдёт для него корма, — что он должен сделать: вернуть стадо хозяину — «или вот так же будет стоять и смотреть, как они гибнут?» И Кун Цзюйсинь признал, что «это моя вина»: раз уж он не может хорошо править своей областью (по независящим от него причинам, чего и Мэн-цзы не отрицал), то обязан был хотя бы подать в отставку, признав свою неспособность (Мэн-цзы, II, 2,4). Розенберг не сделал и этого. Как утверждал Тома, он не ушёл лишь потому, что хотел выполнить свои обязанности перед родиной. Но если он хоть что-нибудь мог сделать, что же это было? А если ничего — при чём тут обязанности?

Например, в июле 1942 г. М. Борман писал ему:

«... славяне должны на нас работать, а те, кого мы не можем использовать, пусть умирают. Заботиться об их здоровье излишне. Плодовитость славян нежелательна. Образование опасно. Достаточно будет, если они смогут считать до ста. Каждый образованный человек — наш враг в будущем. Религию мы оставим им как средство отвлечься...» (НП V: 696).

Что же сделал Розенберг, пытавшийся представить себя защитником местного населения? По мнению Тома, он мог лишь «выразить внешнее согласие и сделать кажущуюся уступку <...> он согласился с этим только потому, чтобы успокоить Бормана и Гитлера...» (там же). Жизни миллионов славян стали пешкой в ведомственной борьбе. И не только славян. И вот это-то экс-министр называл «духовным завоеванием народов Восточной Европы» (НП VII: 279)?

Впрочем, 12 октября 1944 г. Розенберг подал-таки прошение об отставке — правда, не лично Гитлеру, а через начальника рейхсканцелярии Г. Г. Ламмерса. Хотя явно поздно: по замечанию обвинителя Додда, к этому моменту «имперский министр восточных областей оказался без областей» (НП V: 174), и в воздухе уже пахло палёным. Но всё же он написал — и просил указаний, как быть дальше (там же). Тома объясняет:

«Не получив ответа на своё прошение об отставке, Розенберг неоднократно пытался поговорить лично с Гитлером, но безуспешно» (НП V: 696).

Допустим (только на время!), что это чистая правда без умолчаний, и попытаемся представить себе этот театр абсурда. Министр, далеко не последний винтик в машине государства, подаёт главе правительства... да что там: любой подчинённый подаёт начальнику заявление об уходе. Начальник не желает ни подписать заявление, ни объясниться, — иными словами, видеть его не хочет. Подчинённый понимает, что ему не доверяют, и... остаётся на высоком посту ещё семь месяцев!

До последнего момента, пока не рухнула вся система вместе с его постом! Возможно ли такое вообще?

Конечно, Розенберг был слабой фигурой. Конечно, сами нацисты относились к нему как к доморощенному мечтателю не от мира сего, способному разве что к сочинительству. Однако одно лишь согласие визировать своей подписью то, что предполагалось творить на оккупированных территориях, уже означало соучастие в преступлениях. Впрочем, в распоряжении трибунала оказались документы, ясно доказывавшие: «партийный философ» не был овечкой, лишь по наивности превращённой в козла отпущения.

Это он подписал план «Ост», предусматривавший разграбление экономики и культурных ценностей советских и польских территорий, расчистку «жизненного пространства» для немецких колонистов. Составной частью этого плана были: истребление 20 миллионов одних лишь русских, немецкая колонизация Польши и Белоруссии и «окончательное решение еврейского вопроса» (дежурная фраза нацистской пропаганды, впервые предложенная Р. Вагнером по идее его тестя Ф. Листа, но превратившаяся в конкретный истребительный проект лишь с 1942 г.). Он же отдавал конкретные приказы по выполнению этих задач. Хотя Розенберг был не единственным и даже не главным автором этого плана, но именно его министерство должно было проводить его в жизнь на практике.

Это он подготовил в Норвегии «пятую колонну», выдвинул молодого офицера Квислинга на роль норвежского фюрера и усиленно продвигал его имидж в глазах руководства НСДАП. Апрельская операция 1940 г. по захвату нейтральной Норвегии — во многом его рук дело (Ширер 1991 {1960}: т. II, гл. 20, 2).

Это он на заседании «германского трудового фронта» в ноябре 1942 г. сказал:

«Мы не должны <...> довольствоваться тем, что евреи будут выслены в другое государство и, может быть, там или здесь будет находиться большое еврейское гетто, нет, наша цель должна оставаться прежней. Еврейский вопрос будет решён в Европе и Германии только в том случае, если на европейском континенте не останется больше евреев» (НП VII: 231).

Это он строил планы создания на захваченных землях немецких форпостов, жители которых стали бы «господами» над покорённым населением и в то же время — заложниками нацистской политики. А. Шпеер, по совместительству «придворный архитектор фюрера» (Рагинский 1986: 125), вспоминает: «24 ноября 1941 г., т. е. уже во время зимней катастрофы, гауляйтер Майер, заместитель рейхсминистра по делам оккупированных восточных территорий Альфреда Розенберга, сделал мне предложение возглавить отдел “градостроительство” и разработать планы изолированных городов со всем необходимым для оккупационных гарнизонов и гражданского населения». Правда, Шпеер отказался от этого предложения, но лишь потому, что опасался «обезличенной унификации будущих городов», если их будет разрабатывать только одно ведомство (глава «Начало скольжения вниз»).

Это он, Розенберг, в директиве о задачах германского управления на оккупированных территориях освободил своих заместителей от ограничений в обращении с местным населением и пленными:

«Первой задачей... является проведение интересов империи. Положения Гагской конвенции о ведении сухопутной войны не имеют действия, так как СССР надо считать

уничтоженным... Поэтому допустимы также все мероприятия, которые германской администрации кажутся необходимыми и удобными» (НП VII: 229).

Его поняли. Да, действительно, «в отдельных случаях Розенберг возражал против эксцессов и зверств, совершавшихся его подчинёнными и особенно Кохом» (см. выше). Но он сам в апреле 1941 г. рекомендовал того же Эриха Коха на пост рейхс-комиссара Москвы (НП VII: 228). На совещании в ставке Гитлера 16 июля 1941 г. его кандидат в наместники захваченных территорий в России вызвал шок даже у нацистов:

«Розенберг заявил, что намерен использовать для этой цели капитана фон Петерсдорфа в силу его особых заслуг (все поражены; кандидатуру единодушно отвергают); фюрер и рейхсмаршал (Геринг) подчеркнули, что нет никаких сомнений в том, что фон Петерсдорф умалишённый» (Ширер 1991 {1060}: т. II, гл.27).

Так не напоминают ли его увёртки персонажа из Мэн-цзы (I,1,3), который, убив человека, оправдывается: «Это не я, это оружие!» (非我也, 兵也)?

1.5. Нацистский преступник №9

*Нельзя связывать одним словом презренного человека с человеком страшным.
Ф. Ницше. Злая мудрость, 114*

Его соперники по части идеологии — Й. Геббельс и Г. Гиммлер — успели покончить с собой до суда. Но идеологию нацизма трибунал не рассматривал: это вызвало бы раздор между самими победителями. Точно так же как процесс над германскими промышленниками, оплачивавшими нацистский режим, был сорван из-за позиции США: пришлось бы говорить о связях их монополий с американскими картелями, реанимировавшими (в рамках плана Дауэса) погибавшую германскую экономику (Рагинский 1986: 23—24). В итоге подсудимым были предъявлены лишь те обвинения, в отношении которых победители были единодушны:

- 1) «общий план или заговор» с целью развязывания войн и военного грабежа;
- 2) преступления против мира — развязывание агрессивных войн, переросших в «войну против всего мира»;
- 3) военные преступления — нарушения правил ведения войны;
- 4) преступления против человечности — террор и геноцид как на оккупированных территориях, так и в собственной стране.

Но и этого в послужном списке Розенберга оказалось с лихвой, хотя о его роли идеолога на суде упоминалось лишь к слову. План «Ост», создание «Эйнзатцгруппа Розенберга» со специальной целью разграбления культурных ценностей оккупированных стран от Ла-Манша до Волги, «акция Сено» по угону молодёжи из СССР в Германию для онемечивания, директивы «германскому трудовому фронту»: «произвол и террор будут чрезвычайно подходящей формой управления» (Рагинский 1986: 90), — чего ещё?

Список обвиняемых по большей части выдерживался в одном и том же порядке — по их значимости. Розенберг в нём занимал шестое место — после Г. Геринга, Р. Гесса, И. фон Риббентропа, В. Кейтеля и Э. Кальтенбруннера, но впереди даже таких зловещих фигур, как глава гитлерюгенда Б. фон Ширах, главный финансист рейха Я. Шахт, министр вооружений А. Шпеер или организатор подводной войны без правил — адмирал К. Дениц. Если поставить в начале трёх главарей, ускользнувших от плена и суда, во главе с «преступником №1» — Гитлером, то оказывает-

ся, что в списке нацистских преступников Розенбергу было отведено 9-е место. Вот куда залетел «мечтатель»!

Держался он перед судом достаточно жалко, пытался выгородить себя, делал вид, будто понятия не имел, что творилось по его приказу. Главный обвинитель от США Р. Джексон в своей заключительной речи обрисовал Розенберга, каким он пытался предстать по его собственным словам и словам его адвоката Тома, как «*партийного философа*, который интересовался исследованиями в области истории и не имел ни малейшего представления о насилии, которое породила его философия в XX веке» (НП VII: 45). По этому поводу Р. Джексон заметил, что все обвиняемые перекалывают свою вину на Гитлера: послушать их — так вообще никто не знал ни о происходящем, ни о последствиях своих же действий. Чтобы их оправдать, пришлось бы их всех признать клиническими идиотами (там же).

Оценку его жизни дал суд. Вот отрывки из заключительных речей Главных обвинителей. Выступает представитель США Р. Джексон:

«Розенберг, духовный отец и высокий проповедник “расы господ”, явился создателем доктрины ненависти, которая послужила первым импульсом к уничтожению еврейства и вызвала применение его атеистических ¹¹ теорий на практике на восточных оккупированных территориях» (НП VII: 30).

Представитель Великобритании Х. Шоукросс:

«Розенберг писал “Миф XX века” и принимал активное участие в борьбе с церковью и в проведении антисемитской политики правительства, и даже Редер в “день героев” в 1939 году говорил (я цитирую): “о ясном и вдохновенном призыве бороться с большевизмом и международным еврейством, чью деятельность, разрушающую расы, мы достаточно испытали на нашем собственном народе”» (НП VII: 67).

Самые развёрнутые личные характеристики каждого из обвиняемых дал представитель СССР Р. А. Руденко:

«Может ли иметь значение для решения вопроса о виновности и ответственности Розенберга то, что он использовал в своих целях отбросы науки и позаимствовал кое-что у Карла Льюэгера ¹² и Поля Лагарда, графа Гобино и Лапужа, Освальда Шпенглера и Артура Мёллера?! Важно то, что Розенберг, собрав все эти “научные” отходы, довёл все расовые воззрения до предела расового изуверства и в этом духе воспитывал членов нацистской партии, немецкую молодёжь. И когда представители “высшей расы” разрабатывали и совершали акты агрессии, когда немецкие оккупанты поработали и уничтожали нации, когда создавали комбинаты смерти в Майданеке и Освенциме, Трешлинке и Хелмно, во всём этом немалая доля ответственности Розенберга» (НП VII: 226—227).

«Защитник Розенберга говорил: “Трибунал должен рассматривать преступления, а не мировоззрения”. Этот аргумент в отношении Розенберга явно неубедителен. Ибо Розенберг не только исповедовал, но сознательно распространял и внедрял в сознание немецкого народа фашистскую расовую теорию, которая стала прямой угрозой существованию демократических государств Европы. Носителей бацилл надо изолировать, а того, кто сознательно распространяет бациллы, надо судить» (НП VII: 227).

¹¹ Вероятно, следовало перевести «безбожных» теорий. Нацистская мистика чужда всякой рациональности и в этом смысле противоположна тому, что и в Европе, и у нас понимается под атеизмом.

¹² Карл Льюэгер (правильно Люгер) — католический священник, один из апологетов расового национализма ещё в Австро-Венгрии. Странна для такой роли его фамилия: Lueger (Lüger) — лжец.

В последнем слове «партийный философ» показал, что остался до конца, кем был: *пиарщиком до мозга костей*, убеждённым, что правильно отредактированная и поданная слушателям картина действительности важнее, чем сама действительность. Чем-то он напоминает персонажей «Ослепления» Э. Канетти или «Маятника Фуко» У. Эко, погружённых в свои выдуманные миры так, что уже не могут найти дорогу назад.

Ребёнок четырёх-пяти лет уверен, что его упорное «нет, нет, нет!» (например, «это не я разбил вазу!») может перевесить и реальность, и даже очевидность. Но Розенберг не был ребёнком, это трудно даже назвать сознательной ложью. Французские журналисты Л. Повель и Ж. Бержье (1994: 282) назвали подсудимых «марсианами в Нюрнберге»:

«Два мира присутствовали там, не соприкасаясь друг с другом. Это было всё равно что пытаться судить марсиан, исходя из основ человеческой цивилизации. Это и были марсиане. Они принадлежали к миру, отделённому от нашего, известного нам на протяжении шести или семи веков. Цивилизация, полностью отличная от того, что принято называть цивилизацией, упрочилась в Германии за несколько лет, а мы и не отдавали себе в этом отчёта. Её инициаторы не имели в основном никакой интеллектуальной, моральной или духовной связи с нами» (Повель, Бержье 1994: 294).

К ней и принадлежал Розенберг. Он жил в мире, который сам постоянно выдумывал, и свою выдумку внушал, как сейчас говорят, целевой аудитории. В зале суда были оглашены такие документы — от него исходящие и ему адресованные, — заслушаны такие свидетельские показания, от которых, казалось, могла бы содрогнуться земля. Но Розенберг и в последнем слове пытался *редактировать действительность*: ничего не было, а если что и было — это не я! В крайнем случае — меня не так поняли! М. Ю. Рагинскому (1986: 184), заместителю Главного обвинителя от СССР, особенно запомнилось следующее место из этой речи:

«Я от души приветствую ту идею, что истребление народов должно быть заклеимено международным соглашением как преступление и должно строжайшим образом наказываться. Однако я, естественно, предполагаю при этом, что ни сейчас, ни в будущем оно ни в какой мере не будет допущено по отношению к германскому народу» (НП VII: 279).

В этих словах — квинтэссенция речи. Идеолог расизма так до конца и не понял, кем побеждён. И торжество победителей он представлял себе лишь так, как умел и как планировал сам в случае победы рейха: «истребление <...> по отношению к германскому народу». А суть деятельности нацистов — это, если его послушать, «дома “матери и ребёнка”¹³, туристские базы, общежития для фабричных рабочих» (там же)!

В дни процесса С. Я. Маршак писал:

...Но им не вычеркнуть пером,
Что вырублено топором,
И нет на свете красноречья
Краснее крови человеческой!

В числе 12 главных нацистских преступников Розенберг, осуждённый по всем четырём разделам Обвинительного заключения, был приговорён к смертной казни и в ночь на 16 октября 1946 г. повешен в Нюрнбергской тюрьме¹⁴. Как вспо-

¹³ Имеется в виду скандально известная программа «Lebensborn».

¹⁴ Точнее, было казнено 10 главных нацистских преступников, так как М. Борман был осуждён заочно (и с тех пор не обнаружен), а Г. Геринг сумел покончить с собой за несколько часов до исполнения приговора.

минает М. Ю. Рагинский (1986: 187—188), во время оглашения приговора, «за исключением Зейсс-Инкварта, они, убийцы миллионов людей, не могли скрыть свой страх. Риббентропа, Розенберга и Йодля охранники вынуждены были поддерживать с двух сторон, так как они не держались на ногах». Прах его, как и остальных главных нацистских преступников, был развеян по ветру.

И всё-таки главная его вина так и осталась вне поля зрения суда. Страшнее преступных приказов было воспитание целого поколения, готового эти приказы исполнять.

1.6. Зачем о нём помнить?

«С нами такого случиться не может» — это фраза номер один в списке знаменитых последних слов.

Дэвид Кросби

Почему мы так много места уделили биографии человека, явно не стоящего подобного внимания? Потому что важно понять, как человек может превратиться в *такое*. Клише советской пропаганды: «фашисты — нелюди» — морально понятно, но глубоко ошибочно. Ибо, во-первых, тогда становится необъяснимым, откуда взялся нацизм: не подверглась же Германия в XX веке нашествию с Марса! Во-вторых же, это клише ведёт к опасному самообольщению: мы-то — люди, мы-то — хорошие, нам это не грозит! Страшно именно то, что так могут вести себя *люди*, оказавшиеся в особых социально-исторических условиях. Эти условия взаимосвязаны и друг друга влекут за собой:

- 1) **глубокий социальный кризис**, причины которого люди неспособны понять — в силу отсутствия у них картины мира, адекватной происходящему;
- 2) **кризис традиционных ценностей**, размывающий прежние понятия о добре и зле, о допустимом и запретном («аномия» по Э. Дюркгейму);
- 3) **техническая вооружённость**, позволяющая надеяться на успех самых невероятных решений и в то же время создающая веру в технологии, якобы способные заменить не только традиционные знания, но и прежнюю нравственность.

В таких ситуациях нужно уметь вовремя принимать меры. Иначе кошмар может повториться. В самом деле, кто ещё в 1985 году мог предположить, что семь лет спустя именно в СССР — стране, заплатившей за Великую Победу самую высокую, запределную цену, — будут легально действовать фашистские организации, запрещённые во всём цивилизованном мире? Что в бывшей ГДР нацистов окажется гораздо больше, чем в бывшей ФРГ?

Условия, в которых сформировалась и личность, и философия Розенберга, существуют в наши дни во многих странах, *особенно* включая страны СНГ. Поэтому очень важно не допускать появления новых претендентов на подобную роль, а если они уже появились — уметь их различать и вовремя останавливать. Как ни справедлив Нюрнбергский приговор, лучше, чтобы справедливость торжествовала не задним числом. Ведь мёртвые не воскресают, а духовно изуверченные не исцеляются только оттого, что они отомщены.

Иными словами, уточним главный вопрос, который нам здесь следует решить: **какие стороны современной научной и — шире — духовной жизни нуждаются в постоянном тщательном контроле на предмет возможной фашизации?**

Какие условия порождают книги, подобные этой? И какого сорта люди становятся их авторами?

И когда в сочинении Альфреда Розенберга мы встретим места, знакомые современному читателю из бывшего СССР по более свежим и широко разрекламированным работам, каждый раз следует вспомнить: ОДНАЖДЫ ЭТО УЖЕ БЫЛО, И МЫ ЗНАЕМ, К ЧЕМУ ЭТО ПРИВЕЛО. В нашей Бывшей Родине нет ни одной семьи, не потерявшей близких в борьбе против этих идей. Хотим ли мы, чтобы это повторилось? Хотим ли мы снова стать жертвами чего-то подобного? Или — хуже того — *соучастниками*?!

Так кто же такой Альфред Розенберг? Антихрист XX века, дьявольской хитростью совративший целую страну — страну поэтов и мудрецов? Злой гений пиара? Или просто — двоечник по практике, принявший себя за Спасителя, но не понимавший, чего на самом деле стоят его громкие слова и красивые обещания? И на Нюрнбергской скамье он оказался лишь потому, что «практику» свою выполнял за чужой счёт, не заботясь, кому и во что она обойдётся?

Как мы дальше увидим, наиболее вероятно последнее. Задолго до шутовской эпопеи А. Розенберга К. Маркс очень удачно высказался на этот счёт в предисловии 1869 г. к «*Восемнадцатому брюмера Луи Бонапарта*»:

«Виктор Гюго ограничивается едкими и остроумными выпадами против ответственного издателя государственного переворота <...>. Он не замечает, что изображает эту личность великой вместо малой, приписывая ей беспримерную во всемирной истории мощь личной инициативы <...>. Я, напротив, показываю, каким образом *классовая борьба* во Франции создала условия, давшие возможность дюжинной и смешной личности сыграть роль героя» (Маркс 1986 а: 3—4).

I.2. Критика Ф. Лаку-Лабарта и Ж.-Л. Нанси

В последние годы серьёзный критический анализ «*Мифа XX века*» предприняли философы-деконструктивисты из Страсбурга Филипп Лаку-Лабарт и Жан-Луи Нанси. Не пересказывая их книгу, приведём здесь её принципиальную схему — в том виде, как её изложили сами авторы, анализируя логику «*Мифа XX века*» Розенберга (нумерация пунктов — моя).

1. Критерий истинности нацистского мифа основан на двух принципах:

1а. На веровании (истинность мифа доказывается не логикой, а духовным опытом и переживанием);

1б. На том, что природа и цель мифа «требуют воплощения в какой-то фигуре или в каком-то *тине*» — Gestalt (Лаку-Лабарт, Нанси 2002: 48). Именно здесь авторы говорят о том, «что нацистский миф — это миф Мифа, то есть миф творческого могущества» (: 49), даваемого слепой верой. Это понимание «Мифа» с большой буквы запомним, чтобы не смешивать его с обычным значением слова «миф».

2. Из вышеназванного критерия мифической истинности вытекает **способ строительства мифа**:

2а. «Следует пробудить могущество мифа — перед лицом абстрактных универсалий» (там же: 51), к каковым относятся наука, философия, и прежде всего — христианство и демократия.

2b. Для этого следует пробудить инстинктивную творческую силу народа и вовлечь в этот процесс весь народ (это вовлечение у Розенберга и называется «мистикой»).

2с. Поскольку «миф достигает истинности лишь тогда, когда он *проживается*» (: 52), то исповедание новой веры должно выражаться не высказыванием, а действием. Отсюда вся масса нацистских ритуалов — не как техника внушения, а как самоцель (: 53).

3. Следующие принципы относятся уже к конкретике того «Мифа», который избрали для себя нацисты, а именно *мифа избранной нации*:

3а. Раса держится не на языке, а на «крови».

3б. Преимущество арийцев — в их солнечном культе, потому что яркий солнечный свет не оставляет места полутени абстракций: «Миф солнца — это не что иное, как миф того, что выявляет формы как таковые — в их зримости, в срезе их Gestalt, в то же время это миф силы или тепла, содействующих самому формообразованию этих форм» (: 55). Иными словами, солярная мифология формирует чёрно-белое мышление, чего и хотели добиться. Далее называются три «поколения предтеч»: древнейшие индоевропейцы, античная Греция (в её специфической раздвоенности, представление о которой было основано на ранних идеях Ницше) и средневековые немецкие мистики — особенно Мейстер Экхарт.

4. Наконец, вопросы *тактики манипуляции с помощью Мифа*:

4а. Главная проблема современности заключена в «абстрактной, развоплощенной, бессильной двоякой идее индивида и человечества» (: 59, со ссылкой на речь Гитлера в рейхстаге 1937 г.).

4б. Место этих идей должно занять *Weltanschauung* — не столько, быть может, мировоззрение, сколько мирозерцание, миро-зрелище (*Welt + Schau*), не умопостигаемое, а эмоционально переживаемое.

4с. Эмоциональность этого «мировоззрения» означает, что оно может быть только религией, быть объектом веры. Отсюда же вытекает его абсолютная нетерпимость.

Этот анализ позволяет увидеть ряд уязвимых сторон «мифа о Мифе». Прежде всего — круг в доказательстве: то, что миф должен быть верованием (4с), выводится из того, что истинность мифа основана на веровании (1а). Сама по себе идея творческой силы мифа тоже не нова, она есть уже в Евангелии: «если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: “перейди отсюда туда”, и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (Матф.17:20). Вообще, «мистический опыт» против рационального познания (1а, 4б) — это не ново, это было у всех мистиков: и у Мейстера Экхарта, к которому часто апеллировал Розенберг, и даже у А. Ф. Лосева с его православными симпатиями. Кстати, его критерий мифологической истинности вполне соответствует положению 1а: «Миф, несомненно, живет каким-то своим собственным пониманием истины; и заключается она в установлении степени соответствия текущей эмпирии личности с ее идеально-первозданной нетроутостью. Это — вполне ясно отличимая от всякой иной истинности чисто мифическая истинность. В основе ее лежит истина чуда» (*Диалектика мифа*, XII, 3 — Лосев 1991: 161). На самом деле то, о чём говорит А. Ф. Лосев, — это не истина, а правда (ср.: Бердяев 1909), и непонимание разницы между ними дорого обошлось человечеству. Об этом, однако, — в своём месте и в свой черёд.

Однако требование, чтобы суть мифа была непременно воплощена и чётко обозначена (1b), — это уже чуждо и платонизму (для которого материя — это вообще принцип искажения чистых эйдосов), и христианскому мистицизму. Здесь это назвали бы идолопоклонством. В развитой мифологии идентификации другие: не чёткое обозначение и изображение, а *символическое* указание на нечто, *не выражимое* в словах. Поэтому и платоническая, и христианская утопия может воплотиться в реальность лишь через события сверхъестественные: люди не могут построить собственными силами то, чего не могут себе чётко представить, им остаётся лишь надеяться на Бога, а пока выполнять лишь те нравственные требования, которые приложимы к реальным условиям. Стало быть, христианство, как и платонизм, исключает саму возможность тоталитарной попытки достичь утопии земными, политическими средствами. Требование же Розенберга, чтобы суть мифа была воплощена в некоем конкретном (и значит, реально существующем) гештальте, как раз к такой попытке и ведёт.

Способ строительства мифа (2a–2c) исходит из того, что мифологическое мировоззрение вполне способно заменить разумную мысль. Но это невозможно по определению: у них разные функции. Получается порочный круг:

«Миф в чистом виде не может служить мировоззрением (последнее требует дистанции по отношению к миру, чтобы “взирать” на него, чего нет в мифе). Но миф может заменять мировоззрение, побуждая к действию без рассуждения (как к ритуальному, так и к практическому) или запрещая его» (Гулыга 1987: 204).

Далее, пункт 4a — слабое звено всей конструкции. Действительно, западный мир запутался в проблеме: личность и общество, личность *или* общество. На этом и играл нацизм. Авторы приводят фразу Гитлера из речи в рейхстаге в 1937 г.: «Краеугольный камень программы национал-социализма в том, чтобы упразднить либеральное понятие индивида, равно как и марксистское понятие человечества, и поставить на их место понятие сообщества Volk¹⁵, укорененного в почве и соединенного узами одной крови» (Лаку-Лабарт, Нанси 2002: 59). Но это значит, что здесь и заключено слабое место нацистской идеологии: если идеи индивида и человечества *не будут противоречить* друг другу, нацизм лишается почвы под ногами. Конечно, это труднодостижимый идеал, но все «лёгкие» выходы ведут назад — к межплеменным войнам, поклонению «корове Сабале» (Маркс 1986: 101) и человеческим жертвоприношениям ради душевного комфорта временно уцелевших.

Если проблема — в том, что понятия индивида и человечества противоречат друг другу, стало быть, лекарство от всех бед — их непротиворечивый синтез. Но таковой явно невозможен: этого не допускают принципы диалектики. Более того, как показывает А. П. Назаретян (2004: 150—151 и сл.), любое развитие идёт в одном направлении — от устойчивого и равновесного состояния ко всё более неравновесному и невероятному. Сохранить устойчивость на этом пути любая система (от биологической до идеологической) может лишь за счёт внутреннего усложнения, что ведёт к укорочению срока жизни систем и к их ускоренной смене новыми. Поэтому *непротиворечивого* совмещения противоположностей «индивид — человечество» ждать не приходится. В лучшем случае это был бы ещё один миф. А стало быть, на этот раз, как и всегда, простой выход — не выход. Отныне и на веки веков мы лишены идеологической ясности, аминь.

¹⁵ Volk — народ (нем.).

Однако всё это касается в основном оценки значения мифа вообще, мифа как такового — в его специфическом нацистском виде. Содержания же его авторы касаются мельком, явно считая главным именно солярный культ. Между тем это не так, и сам Розенберг постоянно говорит именно о «Blutmythus» — «мифе крови». А ведь содержание предложенного мифа далеко не безразлично для того, как им собираются пользоваться.

I.3. Общий обзор «Мифа XX века»

Он был врагом, боролся, побеждён. Он сеял зло, он строил злую науку. Но из чего строил, что для этого находил и создавал? Надо разобраться.

Л. С. Клейн (2000: 89) о Г. Косинне

«Миф XX века» в варианте 1934 года — это обширное сочинение, в котором скудость основных мыслей компенсируется упорными смысловыми повторами и натужной патетикой. Приведём его общую структуру:

Книга I: Борьба ценностей

I. Раса и расовая душа

II. Любовь и честь

III. Мистика и действие

Книга II: Существо германского искусства

I. Расовый идеал красоты

II. Воля и инстинкт

III. Стиль личности и деловитости

IV. Эстетическая воля

Книга III: Грядущее Царство

I. Миф и тип

II. Государство и полы

III. Народ и государство

IV. Нордически-немецкое право

V. Немецкая народная церковь и школа

VI. Новая мировая система (Staatensystem)

VII. Единство сущности

При этом вся вторая книга посвящена в основном вопросам эстетики и понятию воли — по Шопенгауэру, но с авторскими поправками. Третья книга — конкретный проект той «державы», которая, по мнению автора, должна преодолеть ограниченность как монархий, так и республик и найти выход из кризиса XX века. На этом проекте мы подробно останавливаться не будем: что такое нацизм в действии, знает любой нормальный человек. А вот первая книга — исторический миф, обосновывающий этот проект, и вот им-то мы в основном и займёмся.

«Миф XX века» ни в какой мере не может претендовать на научную ценность. Ссылочный аппарат, без которого немислимо серьёзное исследование, в нём убогий, обращение с цитатами — вольное. Заметно, что автор вообще не знал, как делается корректная ссылка. Даже среди писателей-мистиков Розенберг в этом отношении далеко уступает, например, Е. П. Блаватской, умевшей хотя бы грамотно ссылаться на современные ей научные работы.

Язык, которым написана книга, ниже всякой критики. Он не мог бы сойти даже за местный (скажем, ревельский) диалект: это просто язык полузнайки, «партий-

ного философа» из провинции, натужно пытавшегося освоить Hochdeutsch. В этом языке грамматика хромает на все четыре ноги, так что некоторые пассажи еле поддаются переводу¹⁶. Гёте не счёл бы такого автора достойным хотя бы своего «олимпийского» гнева.

Английский исследователь истории социальных мифов Норман Кон (1990: 167) считает, что «его толстенный “Миф двадцатого столетия” вряд ли кем-либо был прочитан (и, во всяком случае, не вождями нацизма)», и виной тому — стиль этого «не поддающегося прочтению» труда (там же). С этой оценкой в своих мемуарах соглашается А. Шпеер: «Создание какой-то партрелигии означало бы просто впадение в средневековый мистицизм. Всё это мифотворчество вокруг СС и нечитательный труд Розенберга “Миф двадцатого столетия” вполне это доказали» (глава «Оберзальцберг»).

Впрочем, возможно, это не безграмотность, а нечто большее. Выдающийся немецкий философ Эрнст Кассирер в своей Принстонской лекции 1944 г. говорил:

«Когда мне случается прочесть книгу, изданную в Германии в последнее десятилетие, причем даже не политического, а теоретического характера, исследующую философские, исторические или экономические проблемы, то я, к своему изумлению, обнаруживаю, что больше не понимаю немецкого языка. Изобретены новые слова и даже старые используются в непривычном смысле, ибо их значения претерпели глубокую трансформацию. Это изменение значения зависит от того, что те слова, которые прежде употреблялись в дескриптивном, логическом или семантическом смысле, используются теперь как магические слова, призванные вызывать вполне определенные действия и возбуждать вполне определенные эмоции. Наши обычные слова наделены значением; но эти, вновь созданные слова, наделены эмоциями и разрушительными страстями» (Кассирер 2000 {1944}: 581—582).

Зато очень много патетики и художественных «красот», в которых порой уже угадывается близость постмодерна¹⁷. Текст перегружен риторическими фигурами и устаревшими словами в высококом штиле. Так, вместо *der Kampf* ‘борьба’ автор постоянно пишет *das Ringen* — по-русски это скорее было бы ‘борение’, если даже не ‘ристание’. Если не серьёзные, то хотя бы внятно изложенные мысли перемежаются целыми страницами банальностей или парадами примеров. Если бы автор, как было принято в древней Греции, читал это произведение вслух перед публикой, — думается, по большей части он закатывал бы глаза во время чтения. По словам Н. Кона (1990: 168), «в иные минуты на самого Гитлера накатывали апокалипси-

¹⁶ Автор выражает искреннюю благодарность Т. Д. Бигдан, взявшей на себя нелёгкий труд контроля за немецким переводом, причём с немецкого 1933—1945 гг. (то есть по определению искажённого) на литературный русский.

¹⁷ Автор не пытается зачислить А. Розенберга в постмодернисты, тем более что постмодернизм впервые заявил о себе в среде левых интеллектуалов, разочарованных итогами событий 1968 года. Однако нельзя не признать, что постмодернизм, как и любое другое явление, возник не на пустом месте, что у него есть свои «три источника и три составные части», сложившиеся задолго до первых работ М. Фуко. О крайностях такого взгляда иронически говорит Умберто Эко в «Заметках на полях “Имени розы”»: «К сожалению, “постмодернизм” — термин, годный à tout faire <...>. Сперва он применялся только к писателям и художникам последнего двадцатилетия; потом мало-помалу распространился и на начало века; затем ещё дальше; остановок не предвидится, и скоро категория постмодернизма захватит Гомера».

ческие настроения, но для Розенберга это было естественное состояние». Одно это уже даёт почувствовать стиль его прорицаний.

I.4. Основное понятие автора

Хотя Розенберг считался официальным философом расизма, хотя слово «раса» повторяется у него чуть ли не на каждой странице, нигде он не даёт этому слову никакого внятного определения. Впрочем, этого не смог сделать ни один расист ни до, ни после него. И понятно, почему. Ведь научные термины требуют предельной ясности, проверяемости, у них есть чёткие критерии, позволяющие каждый раз строго определить: «вот это — А, а вот это — уже не А». Именно поэтому для идеологии они не подходят. Идеологические понятия — преднамеренно зыбкие, чтобы ими было удобно маневрировать. «Раса» — буквально «ветвь» человечества, а в каком смысле ветвь — всяк волен толковать по-своему. Если бы мы попросили расиста дать чёткое научное определение расы, суть ответа в конечном счёте свелась бы к фразе щедринского графа Твёрдоонто: «ну как вы сами не понимаете?». Поэтому даже физическая антропология, в которой термин «раса» употреблялся даже в советской литературе, в последнее время стремится заменить его более определённым понятием «морфотип» (Казанков 2002: 174 и др.). Оно, по крайней мере, чётко указывает, что речь идёт лишь о морфологических (физических, телесных) признаках разных людей — и ни о чём больше.

На протяжении книги (особенно первой части) не раз перечисляются конкретные расы: арийская (нордическая), средиземноморская, альпийская, динарская ¹⁸, восточно-балтийская. Эти типы выделил ещё Г.Ф.К. Гюнтер в книге *«Расология немецкого народа»* (2-е изд. — 1924 г.). Заметим, что «расовый Гюнтер», как его прозвали, был филологом и фольклористом, к расовым исследованиям он обратился лишь по просьбе мюнхенского издателя Ю. Лемана — после того, как серьёзный антрополог Р. Мартин (основатель антропометрии) отказался участвовать в издательских планах такого рода (Колчинский 2007: 363). При этом именно Гюнтер, заимствовав у Ж. Деникера физическое описание нордической расы, дополнил его психологической характеристикой:

«Представители нордической расы были мужественными, совестливыми, преданными долгу, правдивыми, законопослушными, сдержанными, умеренными, осторожными, предусмотрительными, сердечными, незомональными, бесстрастными, склонными к самоубийству, недоверчивыми, чистоплотными ¹⁹, энергичными, трудолюбивыми, деловитыми, великодушными, самоотверженными, настойчивыми, суровыми, жестокими, миролюбивыми и т. д. Как видно из этого неполного перечня, не всегда его характеристики согласуются друг с другом, но лживость, бессовестность, преступность, интриганство, плутовство, краснобаиство, скрытность, трусость, лень, озлобленность, жадность, грубость, гипертрофированная сексуальность, экзальтированность, нерешительность, бездушные, эгоизм, мелочность, созерцательность и другие отрицательные для него качества в разной пропорции были распределены между остальными расами» (Колчинский 2007: 364).

¹⁸ Динар — нагорье в Боснии и Хорватии.

¹⁹ Как мы дальше убедимся, в основе этого описания лежит нравственный кодекс аристократии. Исследовавшая его М. Оссовская (1987: 111 и др.) показала, что как раз чистоплотность была чужда «благородному сословию». Известно, например, что даже регулярное мытьё рук распространилось среди рыцарей лишь в эпоху крестовых походов, в подражание арабам.

Отметим по ходу, что «архаичный расизм гюнтеровского толка, с его резким противопоставлением северных немцев южным, оказался не совсем уместным» (Клейн 2000: 125) в преддверии войны, потребовавшей как раз национальной консолидации. К концу 1930-х гг. пропагандистские акценты были переставлены, и на смену «агитаторам и горланам» расизма пришли их более академичные единомышленники. Так, в первобытной археологии последователям Г. Косинны, перенесшего в свою область идеи Г. Ф. К. Гюнтера, пришлось потесниться в пользу К. Шухардта, который «был лишь обстоятельнее, осторожнее и вежливее Косинны» (там же).

Иными словами, и эта идея у Розенберга — не своя. Но уже здесь заметно, как обращается он даже с соратниками: нигде не упоминает, что эта классификация рас — по Гюнтеру (всего лишь единожды упоминает его с похвалой, но совсем в другом месте и по другому поводу), и даже не знает, что в третьем издании своей книги Гюнтер выделил ещё две расы — фальскую и судетскую (там же)²⁰. Недоказанная гипотеза, только что выдвинутая другим автором (к тому же дилетантом в сфере, за которую он взялся), подаётся без ссылок как нечто само собой разумеющееся. Между тем так можно ссылаться только на факты, доказанные так давно и так убедительно, что ссылка уже не требуется: например, что Земля вращается вокруг Солнца или что живые организмы состоят из клеток.

Всё это, однако, — европейцы (менее 20% человечества). О других морфотипах — монголоидном, негроидном — упоминается вскользь и без всякого анализа: мол, с ними всё ясно. Что же касается конкретных различий между европейцами по типу физической конституции, то даже Ж. Ваше де Ляпуж и О. Аммон не смогли их обосновать, хотя и собрали массовый антропометрический материал.

Судя по тексту, для Розенберга раса — прежде всего психологический тип. Они характеризуются прежде всего набором ценностей, стереотипами поведения, социальными системами, всем, что включается в понятие «расовой души», вплоть до утверждения: «Личность рождается вместе с расой и вместе с нею умирает» (Rosenberg 1934: 34). Расам даются весьма краткие характеристики: «в малой мере культурно-творческая, но одарённая сильным темпераментом динарская раса» (Rosenberg 1934: 86); «тёмная альпийская раса», «это альпийское влияние, смывающее всё великое», «страшные признаки альпийского перерождения общеевропейской жизни» (там же); «альпийское бессилие многих марксистских вождей» (Rosenberg 1934: 103), «одарённая многими поэтическими дарованиями восточно-балтийская раса» (Rosenberg 1934: 113). Заметим, что о физико-антропологическом типе речь вообще не идёт. Весь этот набор считается наследственным и жёстко закреплённым.

Может показаться странным, что теоретически автор перечисляет так много рас, но в конкретных вопросах всё сводит к борьбе только двух или трёх. Однако в рамках его мифологической концепции это понятно: только одной расе принадлежит ведущая («творческая») роль, все остальные способны только подчиняться и нуждаются в «варягах»:

«Поэтому, если даже сегодня, примерно через 2000 лет после выступления германцев, где-нибудь действуют национальные культуры, творческая сила и дерзкая

²⁰ Л. С. Клейн (2000: 110) указывает, что Гюнтер переименовал альпийскую расу в динарскую, а средиземноморскую — в западную. Тем не менее у Розенберга упоминаются как альпийская, так и динарская расы, причём их характеристики не совпадают (см. далее).

предприимчивость, то эти силы, даже если они столь враждебны друг другу, обязаны своим существованием исключительно новой северной волне, которая обошла всю Европу своими бурными и плодотворными приливами, которая омывала подножия Кавказа, разбивалась о Геркулесовы Столбы, чтобы исчезнуть только в пустынях Северной Африки» (Rosenberg 1934: 83).

Поэтому основное содержание истории по Розенбергу — не борьба *между* расами, а борьба одной расы (возглавляющей все прочие) против двух разных принципов расового смешения (Mischlung). Но какого рода может быть это арийское «творчество»? Ведь Розенберг не признаёт никакого прогресса — не только научно-технического, но и социального, нравственного или какого иного. Упадок — это да, об упадке он говорит часто и по разным поводам. Но ни единое событие не рассматривается им как путь *вверх*. Для мифологического сознания это естественно: оно консервативно по своей природе, его задача — охранять какую-то существующую форму жизни (какую в данном случае — увидим позже). Поэтому оно знает только одно идеальное состояние, которое либо уже есть, либо когда-то было. Всё остальное для него — упадок.

1.5. «Избранная раса»

Итак, раса, находящаяся в центре внимания автора, — арийская. Термин этот (от санскритского *arya* — благородные) был введён романтиком Ф. Шлегелем в начале XIX в. для обозначения индоевропейских народов. И, как отмечают бретонские кельтологи, основан он на непонимании:

«Расовый критерий встречается так часто в современной Европе на потребу идеологий, по большей части не имеющих ничего общего с индоевропейским наследием, именно потому, что он не поддаётся проверке. Только люди, совершенно несведущие в санскритской и индоевропейской филологии, могут называть германцев “ариями” — термином, который у индоиранцев служил исключительно для обозначения первых трёх каст в противоположность четвёртой и всем остальным, которые не включаются в структуру трехчленной идеологии. Также надо полностью пренебрегать индийской традицией, чтобы воспринимать слово *varna* “цвет” и “каста” в буквальном и конкретном смысле, не учитывая всей символики» (Гюйонварх, Леру 2001: 23).

Последняя фраза — прямое возражение очередному «прозрению» нашего автора: «Varna heißt Kaste, Varna aber heiße auch Farbe» («Варна означает касту, но варна означает также цвет» — Rosenberg 1934: 28). Этот взгляд, вопреки мнению Гюйонварха и Леру, разделял и крупный индийский историк середины XX в. К. М. Паниккар (1961: 23): «Осознание отличия их цвета кожи (первоначальное значение слова “варна” — цвет)...», хотя буквально на следующей странице он объясняет выражение «аварнья» (вневарновые касты, стоящие ниже традиционных варн) как «нецветные» (Паниккар 1961: 24), что само по себе странно. Между тем представление о социальных различиях в цветовом оформлении — весьма распространённое, но совсем в ином смысле. Так, по данным Л. Н. Гумилёва, «древние египтяне, дабы определить, кто есть кто, рисовали негров чёрными, семитов — белыми, ливийцев — коричнево-красными, себя — жёлтыми. И им, очевидно, было понятно, кто нарисован» (Гумилёв 1990: 17).

Е. И. Кычанов (1986: 11) указывает:

«... в китайских кодексах и официальных документах социальная стратификация часто обозначалась термином “сэ”, указывавшим на группу членов общества, объединённых наличием определённых прав или обязанностей. Первоначальное значение слова “сэ” — “цвет”. Эта двойственность его значения и социальное употребление полностью совпадают с древнеиндийским — “варна” и иранским эпохи Сасанидов — “пиштра”, обозначавших сословно-классовую дифференциацию общества».

Эта двойственность значений — «цвет/сорт/статус» — сохранялась в Китае и после времени, которому посвящена монография Е. И. Кычанова (VII—XIII вв.). Так, при монголо-татарах второй разряд граждан — ниже монголов, но выше китайцев — составляли так называемые «сэму», из которых правители охотно набирали квалифицированных помощников. Это были иностранцы разного происхождения — от тибетцев и мусульман до европейцев (в эту категорию, например, попал Марко Поло). Само выражение сэму 色目, однако, может переводиться двояко: «с разноцветными глазами» (буквально) или «разносортные, разнородные» (поскольку му 目 может переводиться и как «глаз» — исходное значение, — и как «род, сорт, вид»). Следует учесть, что до вавилонского смещения татаро-монгольской империи население Китая не различалось по морфологическому типу — было сплошь монголоидным. Стало быть, понятие «цветов» отдельных социальных категорий именно как цвета кожи вряд ли могло появиться у китайцев. Да и среди толкований символики французского флага одно из самых ранних гласило: синий, белый, красный — дворянство, духовенство, третье сословие. Эти примеры можно было бы умножить.

Однако Розенберг всё же определяет ариев как расу — общность с наследственно закреплёнными чертами, неспособными меняться. Но это значит, что такая общность должна была появиться сразу и в законченном виде. Отсюда вытекает и крайний миграционизм: культуры не могут развиваться, они лишь переносятся с места на место (вполне по Л. Фробениусу, у которого, по ироническому выражению С. А. Токарева, человек был не «носителем», а «носильщиком культуры»²¹) и лишь деформируются под влиянием чуждого окружения. Вот только где и когда появились индоевропейцы? Ведь на этот вопрос и современная наука не готова ответить, хотя за последние десятилетия она накопила огромную массу новых фактов на этот счёт.

Цель автора — доказать, что подлинные потомки древних арийцев — германцы, ещё лучше — конкретно немцы. Поэтому арийская раса у него — ещё и «нордическая» (северная): когда этот термин появился, он обозначал Северную Европу, в противоположность Средиземноморью — ареалу греко-римского наследия. Но самые ранние германские памятники (ясторфской культуры) известны лишь со II в. до н. э., и выглядят они достаточно блёкло на фоне блестящей культуры соседей: кельтов (латенская культура) и тем более римлян и греков. Здесь нет даже керамики, выполненной на гончарном кругу, она вылеплена от руки. Образ жизни этих древних германских племён, описанный Цезарем, а затем Тацитом, тоже даёт мало поводов для национальной гордости.

Логика учёного в такой ситуации: если факты не подтверждают теорию, значит, теория неверна. Логика идеолога и мифолога: значит, нужно что-нибудь ещё, кроме фактов. Например, произвольные допущения в сфере, где в обозримом буду-

²¹ Немецкое слово Kulturträger допускает оба варианта перевода.

щем невозможна проверка. Раз арийская раса в требуемом виде не могла сложиться нигде в реальном мире, значит, остаётся мир гипотетический и мифический, мир ретроутопии.

Поэтому уже на с. 24 появляется неизбежная Атлантида — континент, о котором неизвестно ничего и которому поэтому можно голословно приписывать всё, что захочется. Правда, уже через три страницы она превращается в землю гипербореев и дальше в основном так и упоминается. А Павел Глоба, пересказывая тот же миф (без ссылки на источник, что и понятно), даёт гипотетической стране уже третье имя — Арктида.

Эта Атлантида-Арктида-Гиперборея резко сдвинута к северу (её «остатки» — Гренландия и Исландия), и именно такой прародиной объясняется происхождение индоевропейских солярных мифов: «потому что восход солнца должен был переживаться как космическое переживание высшей интенсивности именно на высоком Севере» (Rosenberg 1934: 25). Три вырванных из контекста цитаты — одна из Авесты и две из Махабхараты, без чёткой ссылки, — должны, по мысли автора, указать на воспоминание о крае, где день и ночь делятся по полгода.

Однако такое бывает только на полюсе, где слишком холодно даже для предполагаемых исполинов духа. Иногда предлагалось объяснение: дальше (Rosenberg 1934: 24) говорится, что такое было возможно потому, что полюса Земли не находятся на одном и том же месте. Но, во-первых, прецессия земной оси (насколько известно из любой серьёзной астрономической работы на эту тему) не столь велика, чтобы Северный полюс в историческое или хотя бы преисторическое время мог находиться, допустим, на материке Северной Америки. А чтобы высокая Арктика могла стать не то что колыбелью какой угодно цивилизации, но и вообще пригодной для жизни, нужно не меньшее смещение земной оси. А во-вторых, если *в то время* там не было полюса, то *не было и полярных ночей!*

Нигде археология не свидетельствует о миграциях крупных масс населения с Крайнего Севера. Напротив, все его современные народы — потомки пришельцев из более южных широт, оттеснённые в эти тяжелейшие условия более удачливыми соседями. Уж на что, кажется, показателен пример германцев, но и их древнейшие памятники обнаруживаются всё-таки не в Заполярье, а в Северо-западной Германии и Дании (культура Ясторф), и даже в эпоху викингов зона их расселения не достигает Полярного круга.

К тому же современная биология и физическая антропология уже умеют различать признаки того, в каких ландшафтах сложилась та или иная популяция. Так, для видов, сложившихся в тропиках (в том числе для *Homo sapiens*, древнейшие на сегодняшний день останки которого найдены в Эфиопии), характерны грацильность (стройность фигуры), малая толщина стенок трубчатых костей, относительно длинные конечности (по сравнению с туловищем). Виды же, сложившиеся в холодных зонах, отличаются массивным сложением, более короткими пропорциями и в среднем более низким ростом, массивными костями и сочленениями — это связано с потребностью уменьшить теплообмен. Таким и был «дублёр рода человеческого» — *Homo neanderthalensis*, в эпоху своего расцвета занимавший приледниковые зоны Европы и Центральной Азии и нигде не проникавший на юг дальше Палестины. Правда, он был долихоцефалом — и с этой точки зрения «истинным арийцем». Однако последний, как известно, должен быть ещё и «высок, строен, бе-

локур». Насчёт белокурости неизвестно, но по телесным пропорциям неандертальцы настолько отличаются от этой картины, что Р. Вирхов, как известно, принял череп из Неандертала за останки больного рахитом казака, отбившегося от русской армии в 1813 году (Колчинский 2007: 116; Клейн: В печати, XI,2²²). Более того, у современных народов Крайнего Севера пропорции тела приближаются к неандертальским — и не в силу генетического родства, а в силу тех же потребностей теплообмена, под влиянием холодного климата²³. Одним словом, популяция такого физического типа, какими расисты изображают «истинных арийцев», не могла сложиться в высоких широтах. Её место — в Африке, её физический тип — свидетельство «негритянских свойств» — «*Niggertum*», как постоянно пишет автор-нацист, а уроженцы «Арктиды-Гипербореи» могли бы иметь только такие черты, о которых он всегда упоминает с деланным ужасом.

1.6. Ценности «избранной расы»

Когда морализируют добрые, они вызывают отвращение; когда морализируют злые, они вызывают страх.

Ф. Ницше. *Злая мудрость*, 96

Итак, основа различия рас — исповедуемые ими *ценности* (Werte). Это слово не сходит с языка автора с первой до последней страницы. Естественно, он не может не определить, какие именно ценности он считает арийскими. В порядке значимости это:

1. Честь и долг (das Ehre und die Pflicht);
2. Патриархат и культ мужских достоинств;
3. Сохранение чистоты рода;
4. Соляренный миф.

Трудно даже сказать при этом, считать ли соляренный миф необходимой ценностью в этой системе или случайной деталью картины.

1.6.1. Честь и долг

Основополагающая ценность заявлена со всей чёткостью:

«Так же, как в Двуречье о плодородии и мощи, так же мечтало великое племя в Элладе о красоте и жизнеутверждающем Эросе, так мечтал человек в Индии и на берегах Нила о повиновении [Zucht] и святости, так мечтал германский человек о рае чести и долга» (Rosenberg 1934: 455).

Все важнейшие исторические конфликты — это конфликты между разными мотивами и целями, ради которых действуют люди. Вся 2-я часть 1-й книги — «*Любовь и честь*» (*Liebe und Ehre*) — посвящена борьбе между «германством» и римской церковью. Для последней, как утверждает автор, высшая ценность — любовь, для германцев же — честь.

²² Автор выражает глубокую благодарность доктору исторических наук Л. С. Клейну за возможность ознакомиться с его рукописью «*История антропологических учений*», в данное время находящейся в печати, и за любезное разрешение ссылаться на эту рукопись ещё до её выхода в свет.

²³ Все физико-антропологические данные в этом абзаце — по лекции Л. Б. Вишняцкого «*Происхождение *H. sapiens* и судьба неандертальцев*», прочитанной в ВАШ (г. Кишинёв) 23.11.2006 г. Подробнее см.: Вишняцкий 2010: 52—53 и далее.

«На переднем плане ныне стоят две ценности, в которых уже почти две тысячи лет обнаруживается противоположность между церковью и расой, богословием и верой, навязанными догматами и гордостью характера, две ценности, крепко укоренённые в воле и веками боровшиеся за господство в Европе: любовь и честь. Обе стороны стремились к тому, чтобы утвердить их как высшие ценности: церкви стремились — как ни странно это может звучать — господствовать с помощью любви, северные европейцы желали свободно жить честью или умирать свободно в чести. Обе идеи находили самоотверженных мучеников, но все же их столкновение не всегда приводило к яснейшему сознанию...» (Rosenberg 1934: 146).

Однако рыцарская честь, как не раз указывает М. Оссовская (1987), — это признание и одобрение со стороны равных себе, она характерна для групп с сильно развитым общественным мнением. Долг же здесь понимается вполне конкретно — как долг по отношению к своему сеньору. Иную картину мы находим у нацистского автора. Для него и честь, и долг опираются на *волю*, которую он трактует по Шопенгауэру:

«Я познаю волю не как нечто целостное и совершенное, а только в отдельных актах во времени; я не могу, таким образом, представить себе волю; она вне времени и пространства. Как независимая от представления, *воля не подчинена тезисам причины, беспричинна*; и такова она во всех проявлениях. Со времён Канта все это подходит только вещи в себе, следовательно, воля — это вещь в себе. Как таковая она свободна, как явление — несвободна, предопределена (детерминирована). Свобода лежит как бы за нами, срок её действия не настаёт никогда. Из того следует, что наш эмпирический характер, представляющий нам в наших действиях как несвободный и неизменный, представляет, тем не менее, объективацию свободного умопостигаемого; эмпирический характер возводится к умопостигаемому, как явление — к вещи в себе. Наиболее точно, как бы в фокусе, воля объективируется в половом инстинкте, в безусловной воле к жизни. Она — вечное желание и стремление, которые после короткого успокоения всегда снова приводятся в действие вождением за этой демонической основной чертой без отдыха и спокойствия» (Rosenberg 1934: 327; выделено мной — Л. М.).

Кстати, предпоследняя фраза — явно фрейдистская, но опять же — без ссылки на Фрейда!

Для современного психолога человек желает чего-то потому, что ему это нужно, в силу каких-либо объективных потребностей — материальных или духовных, естественных или надуманных. Для Шопенгауэра и его последователей человек желает потому, что желать — его свойство, этаким внутренним зуд. Весь мир — лишь «воля и представление», поэтому никакой объективной опоры для воли нет, она буйствует сама по себе:

«Нам присущи две интеллектуальные способности: рассудок, способность распознавания причинной связи (которое мы имеем совместно с животными), и разум, способность абстракции (которое только дано нам). Функция рассудка состоит в образовании представлений, деятельность разума в образовании понятий, из чего только и вырастает наш язык, наука, вообще вся наша культура. Этот разум является теперь “женственной природы: он может что-либо дать, только забеременев”. Вместе с тем основная догма шопенгауэровских воззрений очевидна. Разум — функция мозга; мир, таким образом, оказывается “феноменом мозга”. Мышление — это, со своей стороны, выделительный процесс, вроде секреции слюны» (Rosenberg 1934: 325).

Поэтому воля может быть направлена только на иллюзорные цели — других на свете нет. Но тогда чем отличается «истинный ариец» от обычного клинического шизофреника?

Розенберг находит для воли лишь один критерий — эстетический, поэтому целая 2-я книга у него и посвящена эстетике. Впрочем, эстетизм — опять-таки не его изобретение: гораздо раньше и ярче его обосновывали А. Шопенгауэр, Р. Вагнер, Ф. Ницше, О. Уайльд. На открытии «*Большой выставки итальянского XX века*» в Милане (1926 г.) Муссолини с обычным для него фатовством говорил:

«Во-первых: какова связь между политикой и искусством? Что общего между политиком и художником? Возможно ли выстроить иерархию между этими двумя проявлениями человеческого духа? Что политика есть искусство, в этом нет сомнений. Она, разумеется, не наука. Тем более она — не эмпирический опыт. Следовательно, это — искусство. Также поэтому в политике есть много интуитивного. “Политическое” творчество, как и художественное, — медленная выработка и внезапное нахождение. В некий момент художник творит с помощью вдохновения, политик — с помощью решения (решимости?). Оба обрабатывают материю и дух. Оба преследуют идеал, который их тревожит и превосходит. Чтобы дать народу мудрые законы, приходится, помимо всего, быть немного художниками. Между художником и политиком есть и ещё один пункт сходства — дух недовольства. Напряжённая неудовлетворённость нужна для совершения намеченных дел, которые никогда не бывают такими, как предполагалось. Плоское наслаждение будущим незнакомо как художнику, так и политике. Сколько в (этой) иерархии аргументов, которые увели бы меня далеко... Вероятно, я не сказал ничего интересного, но я хотел бы прийти к первому скромному выводу: нет несовместимости между политиком и искусством как своего, так и других времён» (Mussolini 1926).

В отличие от Муссолини — как-никак профессионального журналиста, у которого были если не оригинальные мысли, то хотя бы отработанный профессиональный стиль, — Розенберг был способен даже не рассуждать об эстетике, а лишь склонять само это слово на все лады. Зато «эстетическая воля» превращается у него в оправдание всему. Нет ни добра, ни зла — есть лишь зрелище (Schau), и нужно одно — чтобы это шоу было круто. Не случайно именно фашистский эстетизм в политике нередко считается корнем всех зол. И даже задача нацистского движения определяется его «партийным философом» как чисто эстетическая:

«Новое просыпающееся сегодня рабочее движение — национал-социализм — должен будет показать, в состоянии ли он подарить немецкому рабочему и с ним всему народу не только политическую идею, но и идеал красоты мужской силы и мужской воли, духовную высшую ценность, господствующую надо всеми прочими, и вместе с тем предпосылку для органической, наполняющей жизнь и порождающей жизнь формы искусства» (Rosenberg 1934: 448).

Прежде чем перейти к «мужскому» характеру этих достоинств, заметим следующее. Воля (Wille) как целенаправленное влечение в одном из бесконечных и безразличных направлений мирового Ничто здесь чётко отделяется от инстинкта (Trieb), обращённого только к себе (к удовлетворению личных потребностей). Этому различию посвящена целая глава (II.2). Ограничимся одной, самой понятной цитатой:

«... поэтому еврейское “искусство” является также почти единственным, обращённым к инстинкту. оно не будит таким образом ни эстетическое самозабвение, ни превра-

щается в волю, а только (в лучшем случае) в техническое суждение или в субъективное возбуждение чувства» (Rosenberg 1934: 364; выделено мной — Л. М.).

В конечном итоге, однако, все эти разграничения автор не сумел провести чётко. Граница между инстинктом и волей у него осталась такой же туманной, как граница между рассудком и разумом — граница, о которой психология перестала заботиться, как только из сферы спекулятивной философии перешла в сферу науки.

1.6.2. Ценности патриархата

Современная антропология, в общем-то, согласна с тезисом ещё классического эволюционизма, что патриархат возникает на сравнительно поздней ступени развития родового общества. Он возможен и оправдывает себя только на довольно высокой ступени общественного развития, когда ведущим становится производящее хозяйство, требующее не женской терпеливости и внимания к подробностям, а мужской физической силы. Зато реальность матриархата не доказана вообще. Его признаки (например, счёт родства по материнской линии, исполнение женщинами некоторых ритуалов) уходят в такую древность, когда вообще ещё не существовало власти в её современном понимании, в том числе и власти женщин.

Для Розенберга же «аполлонический принцип отцовской власти» (1934: 54, «das apollinische Paternitätsprinzip») — изначальное свойство арийцев. По его мнению, «Мойры (так же как норны германского мира богов) женственны, так как в женщине полностью господствует безличное, это лишь безвольно-растительная носительница закона» (: 42).

Целая глава — «Государство и полы» (Rosenberg 1934: 482—522) — занята рассуждениями о «половой полярности», аргументами в пользу того, что государственная власть выростала из мужских союзов. Больше того, женское движение XIX века оказывается в одном ряду «со всеми другими вредными силами: с мировой торговлей, демократией, марксизмом, парламентаризмом» (Rosenberg 1934: 497). «Следствием этого женского господства в Америке является необычно низкий культурный уровень нации» (Rosenberg 1934: 501). Только о евреях и католиках нацистский автор отзывается ещё оскорбительнее, чем о женщинах.

«Когда после десятилетней борьбы Троя, наконец, пала, была освобождена и причина этой борьбы народов: Елена входит в круг бойцов. Гомер не изображает её красоту, но лишь эффект, произведённый ею на окружающих. Воины, потерявшие друзей и братьев, претерпевшие тысячи лишений, единодушно решили, что ради этой женщины, ради этой красоты стоило пролить потоки крови. Таков греческий дух [Griechentum]! Была ли Елена внутренне достойна того, чтобы стоять в эпицентре драмы народов, не играет никакой роли. Даже вероятнее, что эта самка [Weibchen] так же хорошо чувствовала бы себя где-нибудь под Парижем, как и в постели царя Спарты. Во всяком случае, никакого сожаления о её судьбе незаметно» (Rosenberg 1934: 308).

Судя по тому, сколько места уделил автор этому вопросу, в личной жизни у него явно были проблемы. Впрочем, среди диктаторов расстройств в сексуальной сфере — скорее правило. Достаточно назвать шекспировского Ричарда III с его страстью «царить над теми, кто красивее меня», или парагвайского правителя Х. Г. Франсия, или Гиммлера (не удовлетворял ни жену, ни любовницу, хоть и имел трёх детей, и скрывался от обеих на работе — с 8 утра до двух ночи). И именно в нацистской верхушке половые отклонения встречались особенно широко. Дедушка Фрейд с его

идеей сублимации мог бы многое сказать на эту тему. Да и сам Ницше когда ещё пророчил: «Люди, стремящиеся к величию, суть по обыкновению злые люди: таков их единственный способ выносить самих себя» (Злая мудрость, 35), — чем это особо отличается от фрейдистских диагнозов?

С этой позиции Розенберг подходит даже к Евангелию. Миф, оказывается, должен включать «мужественный облик Иисуса» («Die männliche Jesusgestalt» — Rosenberg 1934: 604). Напомним, что и Р. Вагнер, и Ф. Ницше были противниками христианства, но при этом высоко оценивали Христа как личность, считая, что его учение было искажено последователями — прежде всего св. Павлом. Это давало им «право» на обратную редакцию — у Вагнера в «Парсифале», у Ницше в «Заратустре». Тот же ход мысли и здесь. Не Христос благословляющий и исцеляющий, не Христос, страдающий на кресте и умирающий со словами: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лука 23:34), а Христос карающий, изгоняющий торговцев из храма (Иоан.2:15) устраивает Розенберга (1934: 604). Всё остальное в христианстве, по его мнению, — паулинистское извращение, вызванное «сирийским расовым духом» (Syriertum).

Однако пусть вспомнит любой читатель, знакомый с Евангелием: много ли в нём случаев, когда Христос кого-то карает или хотя бы угрожает? Эпизод с торгующими во храме, с бесплодной смоковницей («да не будет же впредь от тебя плода вовек» — Матф.21:19) — вот, пожалуй, и всё. Даже потопив стадо свиней (Матф.8:30—32; Марк 5:11—13; Лука 8:32—33), Христос поступил так не затем, чтобы наказать пастухов (или самих свиней), а потому лишь, что именно так он мог вылечить бесноватого. Во всех остальных случаях Христос не только не карает, но и не угрожает, а лишь учит и предостерегает. «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Матф.18:3) — это не угроза («не пущу», «Отец Мой не пустит»), а предупреждение («не получится, невозможно»). Из какого же материала мог быть создан «die männliche Jesusgestalt»? А если и мог (например, в «Парсифале» Вагнера), — Христос ли это?

Вопрос даже не в том, совместим ли нацизм с христианством: на этот счёт давно уже высказались все существующие церкви. Вопрос в способе использования и редактирования мифологических сюжетов вообще.

1.6.3. Сохранение чистой линии

Поскольку психологические свойства рас считаются наследственными, естественно возникает требование беречь генетическую чистоту (хотя законов наследственности автор не знает даже на том уровне, который был доступен уже в его время). Именно поэтому миф XX века он определяет даже не как идеологию чести и долга, а прежде всего как «миф крови».

Особую заслугу Заратустры он видит в «заботе о расовой чистоте, в поощрении близкородственных браков» (Rosenberg 1934: 32). Действительно, только зороастризм поощряет их, а брак между братом и сестрой вообще считает высшей формой: некоторые религиозные церемонии могли совершать только лица, состоящие в таком браке (ср. Видевдат 2; 8—13 и др.). В древнем Египте такое родство тоже считалось допустимым, а для правящих домов (во избежание смуты) — даже и обязательным. И всё! Все остальные народы, даже самые отсталые, были достаточно знакомы с влиянием инцеста на наследственность и решительно его запреща-

ли (если не считать самых экстремальных ситуаций, вроде истории с дочерью Лота — Быт. 19: 29—38). Если бы идеал Розенберга осуществился, «раса господ» быстро вымерла бы из-за накопления вредных мутаций.

На основе обобщённых представлений автор делает произвольные интерпретации: «Точно так же неосознанно избегали “индийцы” чужих, тёмных, что было видно и на глаз. Кастовый порядок был следствием этой естественной защиты: варна означает касту, но варна означает также и цвет» (Rosenberg 1934: 28). Но это неправда. Веды вообще не уделяют особого внимания различию между арьями и дасья (потомками коренного населения Индостана). И арьи, и дасья сражаются на обеих сторонах уже в битве при Курукшетре, описанной в *«Махабхарате»* (подробности — Паниккар 1961: 33). О кельтах также известно, что они легко смешивались с другими народами.

Любопытно, что К. Лоренц, в 1938—1944 гг. отдавший нацизму немалую дань, выходящую за пределы обычного политического конформизма (Колчинский 2007: 523), после войны пересмотрел свои взгляды. В книге *«Человек находит друга»* он посвятил целую главу (*«Призыв к тем, кто разводит собак»*) предостережению любителей животных: не пытайтесь поддерживать чистоту их породы! Опыт этолога показал ему, что такие чистые линии быстро деградируют: животные становятся всё глупее, теряют способность выжить без опеки хозяев, а затем выходят из моды — и вымирают. Так исчезла порода мосек, очень глупых и злых. Спасение от этой угрозы К. Лоренц видел в межпородных скрещиваниях. Не разделялся ли он таким необычным способом со своими прежними расистскими иллюзиями?

1.6.4. Соляренный миф

Наконец, соляренный миф. О нём говорится сравнительно редко, и опять же — как о чём-то всем известном. Его носителям противостоят расы с другими мифами — «теллурическими» и «хтоническими». Оба понятия в таком виде взяты из теории Лео Фробениуса, разделившего на эти две группы африканские культуры. Фробениус едва ли не первым начал их изучать, и в этом его большая заслуга. До этого Чёрная Африка (к югу от Сахары) была как бы вне мировой истории. Ещё в 1950-х годах, составляя свой список 39 цивилизаций, А. Дж. Тойнби не включил в него ни одну африканскую цивилизацию (кроме египетской), специально заметив, что Фробениусу не понравилось бы такое исключение. Однако Лео Фробениус, вообще-то крупнейший антрополог, наделал массу таких ошибок, которые простительны только первооткрывателю. В частности, он уподоблял культуры организмам до такой степени, что считал возможным говорить об их анатомии, физиологии, патологии и т. п. А основные характеристики культур — даже их «мужской» и «женский» характер, не говоря уже о хтонизме и теллуризме, — он считал неизменными с начала и до конца.

Однако у Фробениуса есть только два этих варианта: теллуризм — культура восхождения и динамики, хтонизм — погружения и покоя, первый рвётся к покорению высот, второй — к самоуглублению. В конце жизни Фробениус считал, что весь Восток в целом — хтонический, Запад — теллурический. Оставим уж в стороне вопрос: если сравнивать *любые* две культуры, одна из них окажется ближе к одному из полюсов, чем другая. Непонятнее другое: при таком определении по-

нятий, если «арийцы» — не теллурические (и тем более не хтонические), тогда какие же они вообще?

Само существование архаического солярного мифа — под вопросом. Его придумали уже поздние гуманисты и просветители, пытавшиеся представить себе «естественную религию», якобы свойственную человеку как таковому. Лишь немногие действительно архаические народы поклонялись солнцу именно как верховному божеству. «Представители солярной мифологии считают это представление очень древним, первобытным. Это неверно. У охотников солнце играет минимальную роль» (Пропп 1986: 267). Римский культ Непобедимого Солнца (*Sol Invictus*) был введён «сверху» лишь в эпоху солдатских императоров (III в. н. э.) и так и остался чисто официальным, не стал массовым. Даже само происхождение «мифа о солярном мифе» — не европейское (тем более не «арийское»), а перуанское. Впервые он появляется в «*Королевских комментариях*» Инки Гарсиласо де ла Вега (1974, первое издание — 1609 г.), рассказывавшего об истории и культуре государства инков, затем обрастает утопическими чертами в «*Городе Солнца*» Т. Кампанеллы и «*Истории севарамбов*» Дени Вераса (1956; Vairasse 1773), созданной явно под влиянием идей Гарсиласо. Лишь в XIX в. солнцепоклонничество первобытных людей стало восприниматься как что-то само собой разумеющееся (см. подробнее: Мосионжик 2003 а).

Однако при этом именно об арийских солярных культурах Розенберг говорит очень мало. В основном это — уже приводившееся рассуждение о северной прародине арийцев, да ещё вскользь брошенное замечание:

«Это познание было оставлено в наследство нашему времени. Оно — мифическое переживание, и притом ясно, как белый солнечный свет» (Rosenberg 1934: 146).

Именно этой фразой Ф. Лаку-Лабарт и Ж.-Л. Нанси аргументируют свой пункт 3b. На эту тему в наши дни гораздо больше рассуждают некоторые астрологи. Здесь и Арктида как прародина арийской расы (а Антарктида — семитской), и роль Заратуштры — выходца из этой самой Арктиды (в каком же тысячелетии это было?!), и карта этого континента с высокой горой — осью мира — на полюсе и четырьмя континентами вокруг неё, взятая из индийской мистической географии (ср.: Гумилёв, Кузнецов 1969: 99; см. в данной работе, II.5, п. 25), и Аркаим с его бесконечными свастиками... И, конечно, миф «*Ура Линды*», о котором мы ещё поговорим особо. И всё это уже полтора десятилетия тиражируется в российских СМИ — явно лишь потому, что редакторы и директора телепрограмм понятия не имеют, из какого источника на самом деле взят этот миф.

Ещё одна завуалированная ссылка на солярный миф — фраза:

«И после ретроспективного взгляда от самого дальнего прошлого до недавней современности распространяется перед нашим взглядом следующее многообразное качество северного творчества: арийская Индия одарила мир *метафизикой*, глубины которой недостижимы еще и сегодня; арийская Персия сочинила нам *религиозный* миф, мощью которого мы живём и по сей день; дорическая Эллада грезилась о красоте этого мира, до сих пор никогда более не осуществившейся в столь спокойной завершенности; италийский Рим показывал нам формальное государственное воспитание как пример, как человеческая общность, находящаяся под угрозой, должна формироваться и защищаться» (Rosenberg 1934: 114—115).

Здесь перечислены предтечи «мифа крови» (упомянутого чуть выше), причём указано его иранское происхождение. Интересно, как автор «жил мощью» этого мифа? Не пробовал ли он, например, зороастрийское средство от всех грехов — омовенье коровьей мочой (Видевдат 3:6; 8:36—38, 98, 103)? Не пытался ли поощрять кровнородственные браки (Видевдат 8:13)?

I.7. Фундаментальный аристократизм

I.7.1. Аристократический характер заявленных ценностей

Если солярный миф — сравнительно случайный довесок в нарисованной картине, то основные ценности автора — честь и долг, чистое происхождение, культ мужских (воинских) доблестей — явно восходят к одному источнику. Это — этос благородного сословия, этос рыцарства и дворянства.

Для автора «демократия» равносильна «смешению рас» (Rosenberg 1934: 57 и др.). Идеал — власть, принадлежащая наследственной элите, ревниво берегущей свою чистоту. Эта элита отличается от управляемых по происхождению и способна удержаться на должной высоте лишь до тех пор, пока сохраняет свою замкнутость и дистанцию по отношению к подвластному населению.

В этом, однако, Розенберг не оригинален. Более чем за двести лет до него граф Анри де Буленвилье подвёл теоретическую базу под родовые амбиции французского дворянства. Его теория известна в медиевистике как теория «цезуры» — разрыва культурной традиции между древностью и средневековьем. По мнению графа, франки — то есть все жители пространства между Рейном и Везером (сикамбры, хамавы, бруктеры и т. д.) изначально отличались воинственностью и были «крайне плодovitы», что вкупе с суровыми природными условиями привело к перенаселению края. Это, а также постоянная угроза от племён, вторгавшихся «из глубин Сарматии», вело к выделению дружин молодёжи, неспособной найти себе место на родине, и искавшей счастья на стороне (Boulainvilliers 1727: 1—3). Этот процесс описан всеми историками германцев со времён Тацита. Но отсюда граф делает вывод: французские дворяне — потомки завоевателей-германцев, а просто-народье — покорённых галло-римлян. Стало быть, власть знати основана на праве завоевания — принципе, выше которого даже римское право ничего не сумело поставить. И межсословная борьба во Франции, по Буленвилье, сводится к международной. Когда через сто лет Европа познакомилась с индийской литературой и узнала из *«Маха-бхараты»* о завоевании Индии арьями, это обогатило теорию Буленвилье лишь самим термином «арийцы» да идеей, что его выводы о расе господ относятся не только к Франции, но и ко всем странам мира.

В середине XIX века граф Жозеф-Артюр де Гобино своим сочинением *«Опыт о неравенстве человеческих рас»* (1853—1855) создал расизм как целостную теорию. Однако к теории граф Буленвилье не в меру честолюбивый граф Гобино, ставший за свою жизнь свидетелем трёх революций, двух республиканских режимов и империи «Наполеона Малого», смог добавить лишь своё мрачное отчаяние, парад новых примеров и несомненный литературный дар. Основная ценность для него, как не раз отмечалось, — не расизм, а элитизм, и в случае конфликта между этими принципами Гобино жертвует первым ради второго (Гофман 1977: 138). Арийская

(германская) раса у него — не этнические немцы, которых он как раз считал самым смешанным из всех европейских народов, а *аристократия* всех европейских стран, прежде всего Франции. Больше того, белой расе он отводит ведущую роль в создании всех десяти выделенных им цивилизаций. От Джамбаттиста Вико Гобино воспринял идею исторического циклизма, ведущую дальше к Данилевскому и Шпенглеру. Он тоже перечисляет десять цивилизаций, проходящих одни и те же фазы развития — точнее, регресса, как представлял себе это ещё Платон в *«Государстве»*. Регресс этот вызван утратой правящей расой своей чистоты, а значит, и высоких духовных качеств, её растворением в этнической мешанине. Подобно Шпенглеру (но за 60 лет до него), Гобино решительно выступал против европоцентризма и колониализма (ведущего, как он полагал, к окончательному расовому смешению), высоко ценил достижения азиатских культур и, в отличие от большинства других расистов, не был антисемитом (Гофман 1977; Клейн 2004).

Научная бесплодность расизма видна уже из того, что со времён Гобино в нём не появилось ни одной новой идеи. Даже циклизм развивался дальше в рамках других теорий: Шпенглер обходился без расистских идей во всём первом — наиболее значительном — томе *«Заката Европы»*, Тойнби и Ясперс — всю жизнь. С другой стороны, идеологический антисемитизм, ставший почти неотъемлемой чертой позднейших расовых теорий, возник в Германии ещё в 1830-х годах: ни Х. С. Чемберлен, ни тем более Розенберг его не выдумали сами, а лишь использовали готовым, чтобы заменить аморфную «массу» Гобино организованной «противорасой», о которой дальше особый разговор.

При этом граф *де* Буленвилье и граф *де* Гобино хотя бы сами принадлежали к той аристократии, которую защищали, и могли продемонстрировать не только родовые грамоты, но и личные достоинства — например, писательский талант (Гобино был не только философом, но и автором новелл и романов). Однако нацистские лидеры как раз были безродным сбродом. Так, специальный Институт генеалогии проверял происхождение любого кандидата в СС на «чистоту крови», но в происхождении самого Гитлера и некоторых других вождей копаться было запрещено — явно могли выявиться неприятные для них факты. Розенберг, как уже говорилось, вообще не был немцем, а по матери — даже и индоевропейцем («арийцем»). У Бориса Ефимова была карикатура: «Истинный ариец должен быть высок, строен, белокур...» — и под этой надписью стоят (в порядке перечисления признаков): тщедушный, уродливо нескладный Геббельс (которого Аденауэр называл «гибридом Крошки Цахеса и Маленького Мука»²⁴), чудовищно ожиревший наркоман Геринг (в самой Германии его, «рейхсмаршала авиации», прозвали «летающим боровом»), Гитлер со своей чёрной чёлкой... Умственный и нравственный облик «вождей» тоже ни для кого не был особым секретом: «Один бегаёт за мальчиками, другой за шприцем с морфием, третий не может бежать, будучи косолапым», — писал о той же троице О. Шпенглер (Свасьян 1993: 113). И в другом письме: «Они говорят о расе и, вместо того чтобы взглянуть на себя в зеркало, тычут пальцем в фотографию Бамбергского всадника» (там же).

Отсюда вытекала проблема, в рамках расизма неразрешимая: упадок старой знати всем заметен и уже не требует доказательств, а претенденты на роль новых

²⁴ Выражаю благодарность студенту Высшей антропологической школы (г. Кишинёв) А. Макухи-ну за эту информацию.